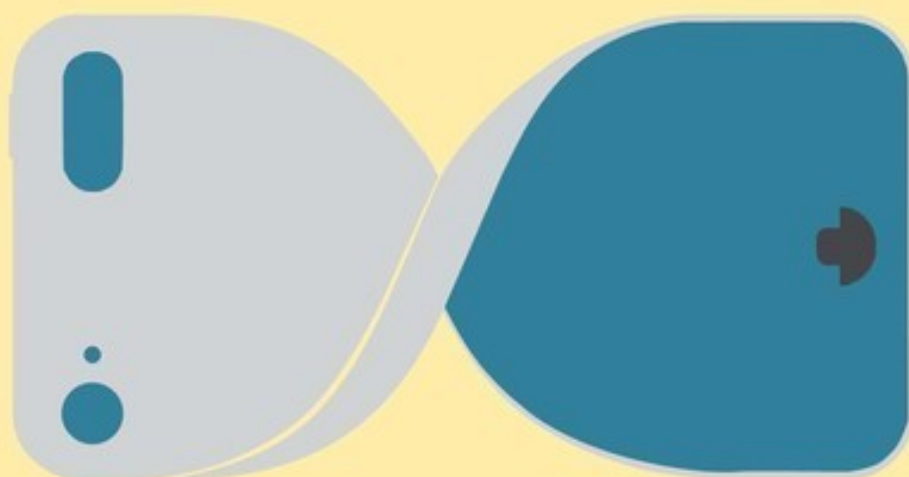

На небосводе популярной культуры информационного века Уильям Гибсон —
ярчайшая звезда.

The San Diego Union-Tribune

УИЛЬЯМ ГИБСОН

**Страна
призраков**

Издательство "Азбука"

18+

Трилогия Синего муравья

Уильям Гибсон

Страна призраков

«Азбука-Аттикус»

2007

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Гибсон У. Ф.

Страна призраков / У. Ф. Гибсон — «Азбука-Аттикус»,
2007 — (Трилогия Синего муравья)

Уильям Гибсон прославился трилогией «Киберпространство» («Нейромант», «Граф Ноль», «Мона Лиза овердрайв»), ставшей краеугольным камнем киберпанка и определившей лицо современной литературы на десятилетия вперед. Но очень быстро жанровому революционеру стали тесны рамки любого жанра – и за совместной с Брюсом Стерлингом стимпанк-эпопеей «Машина различий» последовали «Трилогия Моста», действие которой происходит в своего рода альтернативном настоящем, и «Трилогия „Синего муравья“», начатая романом «Распознавание образов» и продолженная в «Стране призраков». На смену виртуальной реальности здесь пришла реальность локативная, позволяющая привязывать виртуальные элементы к определенным местам реального пространства. Что это – искусство, которому предстоит изменить мир, или же смертельно опасная затея горстки безумцев? Перевод публикуется в новой редакции.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Гибсон У. Ф., 2007
© Азбука-Аттикус, 2007

Содержание

1. Белое «Лего»	6
2. Муравьи в воде	11
3. Волапюк	14
4. Погружаясь в локативность	17
5. Два вида пустоты	20
6. Райз	21
7. Буэнос-Айрес	23
8. Мороз по коже	26
9. Холодная гражданская война	30
10. Новый девонский период	33
11. Боббиленд	35
12. Запас	39
13. Ящики	40
14. Хуана	44
15. Аферист	46
16. Известные выходы	49
17. Пираты и цэрэушники	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Уильям Гибсон Страна призраков

William Gibson

SPOOK COUNTRY

Copyright © 2007 by William Gibson Ent. Ltd.

All rights reserved

© Ю. Моисеенко, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Дэборе

1. Белое «Лего»

Февраль 2006

– Рауш, – произнес голос в мобильном Холлис Генри. – Из «Нода».

Она зажгла ночник – свет выхватил оставшиеся с вечера банки из-под пива «Асахи драфт» из магазина «Pink Dot» – и позавидовала ноутбуку, продолжавшему мирно спать под обклеенной стикерами крышкой.

– Здравствуй, Филип.

Филип Рауш был редактором «Нода», на который Холлис сейчас работала, то есть ее начальством – в той мере, в какой у нее вообще было начальство. Именно в результате их первого (и пока единственного) разговора она прилетела в Лос-Анджелес и поселилась в отеле «Мондриан», хотя решающую роль сыграло состояние ее финансов, а не его сила убеждения. По тому, как Рауш произнес название журнала – словно ставил голосом кавычки, – Холлис чувствовала, что общение с ним скоро набьет ей оскомину.

Из ванной, негромко обо что-то ударившись, прикатил робот Одиль Ришар.

– У вас там три часа ночи, – сказал Филип. – Не разбудил?

– Нет, – солгала Холлис.

Собранный целиком из белых кирпичиков «Лего», робот Одиль передвигался на белых пластмассовых колесиках с черными шинами, а на спине у него было привинчено что-то вроде солнечной батареи. Устройство беспорядочно, хотя и с заметным упорством, каталось по ковру. Неужели где-то можно купить исключительно белое «Лего»? Здесь, среди множества белых вещей, робот смотрелся как родной. Приятный контраст с эгейской синевой ножек стола.

– Они готовы показать его лучшее творение, – сообщил Рауш.

– Когда?

– Сейчас. Она ждет вас в своей гостинице. В «Стандарте».

Знакомый отель. Полы в нем устланы синим искусственным газоном. Всякий раз, оказываясь там, Холлис чувствовала себя последним старьем. За стойкой регистрации было что-то вроде огромного террариума, где девицы неопределенной этнической принадлежности в бикини возлежали, будто на пляже, или штудировали толстые глянцевые учебники.

– Вы заплатили за гостиницу, Филип? Деньги за номер сняли с моей карточки...

– Все улажено.

Она не поверила.

– Дедлайн уже назначен?

– Пока нет. – Рауш громко втянул воздух между зубами – где-то в Лондоне, о котором ей не хотелось даже и думать. – Выпуск отложен. До августа.

Холлис еще не встречала никого из сотрудников или авторов «Нода». Она догадывалась, что это европейский аналог «Wired», хотя, само собой, никто так впрямую не говорил. Бельгийские деньги через Дублин, редакция в Лондоне... а если не редакция, то по крайней мере этот Филип. По голосу ему можно было дать лет семнадцать. Да, семнадцать лет – плюс хирургическая операция по удалению чувства юмора.

– Куча времени. – Холлис и сама не знала, что имеет в виду, но смутно задумалась о своем банковском балансе.

– Тебя ждут.

– Ладно. – Она зажмурилась и захлопнула сотовый.

Интересно, подумала Холлис, можно ли жить в таком отеле и формально оставаться бездомной? Судя по всему, ей это вполне удалось.

Лежа под белой простыней, она слушала, как робот француженки во что-то врезается, щелкает, поворачивается. Очевидно, его запрограммировали, как японский пылесос: наты-

каться на все подряд, пока работа не будет выполнена. Одиль сказала, его назначение – собирать данные с помощью встроенного блока GPS; видимо, он этим и занимался.

Холлис села, шелковистая ткань соскользнула на колени. Снаружи ветер отыскал новый угол атаки на окна. Рамы и стекла жутко задребезжали. Любая местная погода с четко выраженным характером не сулила ничего доброго. Завтрашние газеты непременно напишут о ней в том же тоне, в каком сообщают о небольшом землетрясении. Пятнадцатиминутный ливень, и центр Беверли превращается в грязевое озеро; валуны размером с дом величаво сползают по склонам на оживленные перекрестки. Однажды Холлис уже довелось это застать.

Она встала с кровати и пошла к окну. Главное – не наступить на робота. Отыскала шнур, раздвигавший тяжелые белые шторы. Шестью этажами ниже рвались и метались пальмы, словно мимы в танце, изображающем мучительную смерть от фантастического морового поветрия. Десять минут четвертого, утро среды еще не настало, а из-за урагана на Сансет-Стрип – ни души.

Не думай, сказала она себе. Не проверяй электронную почту. Иди напрямиком в ванную.

Пятнадцать минут спустя, приведя себя в относительный порядок и, как всегда, оставшись недовольна результатом, Холлис спустилась в вестибюль на лифте Филиппа Старка¹. В какой-то статье о Старке она читала, что у дизайнера есть устричная ферма, где в специально изготовленных стальных рамках выращивают идеально квадратных устриц.

Двери плавно разъехались. На открывшихся просторах царило бледное дерево. На пол откуда-то сверху проецировалась платоновская идея маленького восточного ковра – стилизованные закорючки света напоминали чуть менее стилизованные загогулины крашеной шерсти. Холлис когда-то слышала, что изначальный смысл такого орнамента – не оскорблять Аллаха изображением живых существ. Она быстро прошла по световому ковру к выходу.

Из стеклянных дверей дохнуло жаром подвижного воздуха. Гостиничный охранник – блютусовская гарнитура в ухе под выбритым виском – глянул на Холлис и что-то спросил, но все утонуло в шуме ветра.

– Нет, – ответила она, предполагая, что он спросил, подогнать ли ее автомобиль или вызвать такси.

Одна желтая машина уже стояла у входа. Водитель, кажется, уснул и, наверное, видел во сне родной Азербайджан. Холлис прошла мимо. Странное возбуждение взметалось в ней от порывов ветра, который мчал со стороны магазина «Тауэр рекордс», словно реактивные струи от чего-то большого, готового взмыть в воздух.

Охранник что-то крикнул вдогонку, но адидасовские кроссовки Холлис уже нашли тротуар, пуантилистскую абстракцию затоптанной жевательной резинки, и чудовище по имени «Мондриан», раззявившее парадные двери, осталось позади. Холлис застегнула молнию на толстовке и зашагала не столько в направлении «Стандарта», сколько прочь отсюда.

В воздухе тучами жалящих насекомых носились сухие пальмовые волокна.

Ты спятила, повторяла она на ходу. Хотя сейчас все выглядело вполне мирно, умом Холлис понимала, что выбрала не самое спокойное место для прогулки. Одинокой женщине, да и вообще одинокому пешеходу, лучше бы не ходить здесь ночью. Впрочем, сама погода, устроившая очередное безумие в Лос-Анджелесе, притупляла чувство опасности. Улица была совершенно пуста, как в кино: еще секунда – и топнет Годзилла. Трещали пальмы, воздух бился в судорогах, а Холлис под черным капюшоном решительно шла вперед. То и дело о щиколотки хлестали листы газет и рекламные листовки клубов.

Мимо промчалась полицейская машина – в сторону «Тауэр рекордс». Водитель, крепко сцепившись в руль, даже не взглянул на Холлис. «Служить и защищать», – усмехнулась она.

---

¹ *Филипп Старк* (р. 1949) – известный французский промышленный дизайнер, большой любитель фантастики. (Здесь и далее примеч. перев.)

Ветер головокружительно переменял направление, сорвал капюшон и мгновенно растрепал прическу. Которая, впрочем, и так нуждалась в обновлении.

Одиль Ришар ждала под белым навесом «Стандарта» и логотипом гостиницы, перевернутым – одним дизайнерам ведомо для чего – вверх тормашками. Француженка еще жила по парижскому времени, и Холлис согласилась встретиться до рассвета. К тому же, как дала понять Одиль, данное направление искусства оптимально смотреть именно в это время.

За спиной у нее стоял молодой широкоплечий латиноамериканец. Бритая голова, ретро-этническая бордовая ковбойка *Pendleton*: рукава обрезаны ножницами чуть выше локтя, направленные полы висят до колен мешковатых слаксов.

Когда Холлис подошла, он улыбнулся во весь рот, поднял серебристую банку «Текате» и сказал:

– Вотри Санте.

По его руке вилась татуировка сложно прорисованным готическим шрифтом.

– Извините, не поняла?

– *à votre santé*², – поправила Одиль, прижимая к носу скомканную бумажку носового платка.

Холлис не приходилось встречать менее утонченной француженки, хотя этот высокозатрудливый европейский стиль только придавал ей досадного шарма. На Одиль были черная толстовка размера XXXL от какого-то давно загнувшегося стартапа, носки из коричневого нейлона, мужские, с особо противным блеском, и прозрачные пластмассовые сандалии цвета вишневого сиропа от кашля.

– Альберто Корралес, – представился парень.

– Очень приятно. Холлис Генри.

– «Ночной дозор», – еще шире заулыбался Альберто, стискивая ее ладонь свободной рукой. Кожа у него была сухая, как опилки.

Надо же, фанат. Холлис, как всегда, удивилась, и ей отчего-то сразу стало не по себе.

– Сколько дряни в воздухе, – посетовала Одиль. – Дышать нечем. Может, поедем уже смотреть?

– Ладно, – ответила Холлис, радуясь перемене темы.

– Прошу сюда. – Альберто метко бросил пустую банку в белое мусорное ведро с претензией на миланский дизайн. Ветер тут же утих, как по заказу.

Холлис окинула взглядом вестибюль: за стойкой регистрации никого, террариум для девиц в бикини темен и пуст – и последовала за своими спутниками (при этом Одиль раздражающе шмыгала носом) к автомобилю Альберто, классическому «жуку», но расписанному аэрографом во много слоев, словно лоурайдер³. Тут были вулкан, изливающий раскаленную лаву, грудастые латиноамериканские красотки в суперкоротких набедренных повязках и ацтекских головных уборах с перьями, свернувшийся разноцветными кольцами крылатый змей. Либо хозяин авто переборщил со смесью этнических культур, либо Холлис упустила момент, когда «фольксваген» сделался частью пантеона.

Альберто открыл пассажирскую дверцу и наклонил спинку переднего сиденья, чтобы Одиль проскользнула на заднее, где уже лежало какое-то оборудование, затем почти что с поклоном пригласил в машину Холлис.

Та заморгала, впечатленная прозаичной семиотикой старой приборной доски. Салон благоухал этническим освежителем воздуха. Это, как и боевая раскраска, вероятно, было частью особого языка, хотя с Альберто вполне бы сталось нарочно выбрать неправильный освежитель.

---

² Ваше здоровье (*фр.*).

³ *Лоурайдер* – большой и широкий автомобиль с опущенной подвеской, расписанный яркими красками и оборудованный спортивными негабаритными колесами. Культ лоурайдеров зародился в криминальных районах Лос-Анджелеса среди выходцев из Латинской Америки, сейчас это элемент городской молодежной субкультуры.

Он вырулил на Сансет, ловко развернулся на противоположную полосу и покатил в сторону отеля «Мондриан» по асфальту, усыпанному сухой пальмовой биомассой.

– Я ваш давнишний поклонник, – сказал Альберто.

– Его интересует история как субъективный космос. – Голос Одиль раздался почти над ухом попутчицы. – Он полагает, что этот космос рождается из травматических переживаний. Всегда и только из них.

– Травматических переживаний, – машинально повторила Холлис, когда они проезжали мимо «Pink Dot». – Альберто, тормозни, пожалуйста, у магазина. Сигарет куплю.

– 'Оллис! – укоризненно сказала француженка. – А сама говорила, не курю.

– Недавно закурила.

– Так мы уже приехали. – Альберто свернул налево и припарковался на Ларраби.

– Куда приехали? – Холлис приоткрыла дверцу, подумывая удрать, если что.

Альберто выглядел мрачным, но не то чтобы особенно сумасшедшим.

– Сейчас достану все, что нужно. Хочу, чтобы ты сперва посмотрела. Потом обсудим, если захочешь.

Он вылез из машины. Холлис – за ним. Ларраби-стрит круто сбегала навстречу озаренным равнинам города – так круто, что даже стоять на ней было не совсем уютно. Альберто помог Одиль выбраться с заднего сиденья. Та прислонилась к «фольксвагену» и спрятала ладони под мышками.

– Холодно, – пожаловалась она.

И вправду, заметила Холлис, разглядывая громаду уродливо-розового отеля над собой: без теплого ветра в воздухе сразу посвежело. Альберто пошарил на заднем сиденье, достал помятый алюминиевый футляр для камеры, обмотанный крест-накрест черной изоляцией, и повел своих спутниц вверх по крутому тротуару.

Длинный серебристый автомобиль беззвучно проплыл по бульвару Сансет.

– А что здесь? Что мы такого должны увидеть? – не выдержала Холлис, когда троица дошла до угла.

Альберто встал на колени, раскрыл футляр. Внутри, в пенопластовой упаковке, лежало что-то вроде сварочной маски.

– Надень. – Альберто протянул ей маску. Вернее, щиток с мягким ремешком.

– Виртуальная реальность? – Только произнесла эти слова, Холлис поняла, что не слышала их много лет.

– «Железо» не поспевает за временем. – Альберто достал из сумки лэптоп и включил его. – По крайней мере то, что мне по карману.

Холлис надела щиток и, будто сквозь мутную пелену, посмотрела на пересечение бульвара Сансет и Кларк-стрит, отметив про себя навес над входом в «Whisky a Go-Go»⁴.

Альберто осторожно вставил сбоку от щитка конец провода и, сказав: «Сюда», повел ее вдоль тротуара к низкому, выкрашенному в черный цвет фасаду без окон.

Холлис, сощурившись, прочла название на вывеске: «Viper Room».

– Сейчас. – Альберто застучал по клавишам лэптопа.

Холлис краем глаза уловила какое-то мерцание.

– Смотри. Вон туда.

Она посмотрела туда, куда он указал. На тротуаре лицом вниз лежал кто-то худой и темноволосый.

– Ночь на 'Эллуин, – объявила Одиль. – Тысяча девятьсот девяносто третий год.

---

⁴ Легендарный ночной клуб-дискотека на Сансет-Стрип. В нем выступали многие прославленные музыканты, в частности там играла свои первые концерты группа *The Doors*.

Холлис подошла ближе. Тела не было. Но оно было. Альберто шел следом и нес лэптоп, следя, чтобы не вылетел провод, и даже вроде бы затаив дыхание. Холлис так точно затаила.

Она наклонилась. В мертвом юноше было что-то птичье. Острая скула отбрасывала собственную маленькую тень. Очень темные волосы. Темная рубашка, брюки в тонкую полоску.

– Кто это? – выговорила наконец Холлис.

– Ривер Феникс⁵, – тихо ответил Альберто.

Она глянула в сторону «Whisky a Go-Go» и вновь опустила глаза. Какая у него хрупкая белая шея.

– Ривер Феникс был блондином.

– Перекрасился, – пояснил Альберто. – Для роли.

---

⁵ *Ривер Феникс* (1970–1993) – американский актер, кумир подростков. Должен был сниматься в «Интервью с вампиром», когда умер от передозировки наркотиков 31 октября 1993 г. у входа в клуб «Viper Room».

2. Муравьи в воде

Старик напоминал Тито вывеску-призрак из тех, что блекнут на глухих стенах почерневших зданий, являя взорам названия фирм и торговых марок, которых уже никто толком не помнит.

Если бы на одной из них вдруг обнаружился текст самой злободневной, самой свежей и страшной новости, а ты бы знал, что он висел тут всегда, теряя краски на солнце и под дождем, и лишь сегодня попался тебе на глаза, – вот это было бы чувство вроде того, что Тито испытал, когда подошел к старику на Вашингтон-сквер, где тот сидел за бетонным шахматным столиком, и осторожно передал прикрытый газетой айпод.

Всякий раз, как старик, глядя в сторону, убирал в карман очередной айпод, на его запястье тускло блестели золотые часы. Циферблат и стрелки были почти не видны под мутным исцарапанным стеклом. Часы с покойника. Такие лежат на блошиных рынках в помятых коробках из-под сигар.

Одежда на нем тоже была как с покойника. Ткань, казалось, источала собственный холод, который нельзя было спутать с зябкостью нью-йоркской зимы. Холод не востребованного багажа, казенных коридоров, потертых стальных ячеек.

И все же старик работал с дядями Тито, а значит, бедный костюм был не более чем маской, частью протокола. Тито ощущал исходящие от старика мощь и безграничное терпение и думал, что тот ради каких-то своих целей нарядился выходцем из южноманхэттенского прошлого.

Когда старик брал айпод (так в зоопарке дряхлая и мудрая обезьяна принимает у посетителя кусочек не слишком лакомого фрукта), Тито почти ждал, что тот расколет девственно-белый корпус, как орех, и вытащит на свет что-нибудь неожиданное и жуткое в своей современности.

И вот теперь, сидя перед дымящейся супницей в ресторане с видом на Канал-стрит, он понял, что не в состоянии объяснить это своему кузену Алехандро. Чуть раньше Тито у себя в комнате накладывал звуки один на другой, силясь передать ощущения, которые пробуждал в нем старик. Вряд ли он когда-нибудь даст кузену прослушать ту композицию.

Алехандро – гладкий лоб, волосы до плеч расчесаны на прямой пробор – не интересовался музыкой, которую сочинял Тито. Молча глядя на брата, он зачерпнул утиный суп и аккуратно разлил по тарелкам – сначала ему, потом себе. За окном ресторана, за красной надписью на китайском, которого они оба не знали, раскинулся мир оттенка старой серебряной монеты, забытой на десятилетия в ящике стола.

Алехандро был буквалистом, очень одаренным, но крайне практичного склада ума. Поэтому его и выбрала себе в ученики седая Хуана, их тетка, лучший в роду специалист по подделке документов. Он покупал на пыльных складах за рекой механические пишущие машинки – древние и невероятно тяжелые, – которые Тито потом приходилось тащить на своем горбу. Еще он гонял Тито за лентами для этих машинок и за скипидаром, которым удалял с лент часть красящей пропитки. Родная Куба, как учила Хуана, была бумажной державой, сплошным бюрократическим лабиринтом из анкет и трех экземпляров под копирку. Посвященные знали в нем все ходы и выходы, а потому действовали уверенно и точно. Точность везде и всегда – таков был девиз Хуаны, чье ученичество прошло в беленых подвалах здания, из верхних окон которого можно различить Кремль.

– Да ты его боишься, старика этого, – сказал Алехандро.

От Хуаны он перенял тысячи трюков с бумагой и клеем, печатями и водяными знаками, магию ее домашних фотолaborаторий и еще более темные тайны, включавшие имена детей, умерших в младенчестве. Иногда Тито по несколько месяцев кряду носил при себе засаленные

бумажники, набитые фрагментами личностей, созданных Алехандро, чтобы истребить в них всякие следы новизны. Он никогда не касался этих карточек и сложенных документов, составленных теплом и движениями его тела. Алехандро, когда доставал их из дряхлых от времени бумажников, надевал хирургические перчатки.

– Нет, – ответил Тито, – не боюсь.

Впрочем, это была лишь отчасти правда: он чего-то побаивался, хоть и не самого старика.

– А может, зря не боишься, братец.

С развитием новых технологий и возрастающим вниманием правительства к вопросам «безопасности» – читай, «контроля» – магия Хуаны постепенно теряла силу. Родные реже обращались за документами к ней, чаще – к другим источникам, более современным, о чем Алехандро ничуть не сожалел. В свои тридцать, на восемь лет старше Тито, он воспринимал жизнь в семье как сомнительное благо. Отчасти это было связано с рисунками Алехандро, которые тот клеил скотчем на стену против окна, чтобы выцветали на солнце. Алехандро рисовал прекрасно, в любом стиле, и Тито без объяснений понимал, что брат понемногу переносит магию Хуаны в мир галерей и собирателей искусства.

– Карлито. – Алехандро осторожно назвал имя дяди, передавая брату фарфоровую миску жирного горячего супа. – Что Карлито говорил тебе о старике?

– Только, что он говорит по-русски. – (Братья общались по-испански.) – Что если он обратится ко мне по-русски, можно ответить на том же языке.

Алехандро поднял бровь.

– И еще, что он знал нашего деда. В Гаване, – сказал Тито.

Алехандро сдвинул брови; его фарфоровая белая ложка застыла над супом.

– Американец?

Тито кивнул.

Хотя в ресторане не было никого, кроме официанта, читавшего за кассой китайскую газету, Алехандро понизил голос:

– Все американцы, с которыми наш дед общался в Гаване, были из ЦРУ.

Тито помнил, как незадолго до переезда в Нью-Йорк ходил с матерью на китайское кладбище за улицей Ла-Рампа. Мать что-то выгатила из семейного склепа, и Тито, гордясь своей сноровкой, кое-куда это переправил. В вонючем сортире закусочной «Малекон» он бегло пролистал бумаги в пакете из прорезиненной ткани и понял только, что они отпечатаны на английском, которого он почти не разбирал.

Тито никому не рассказывал о том случае, промолчал и сейчас.

Ноги в черных ботинках *Red Wing* замерзли ужасно. Вот бы нырнуть в деревянную японскую ванну с таким же горячим супчиком.

– Помнишь, тут были скобяные лавки? – спросил Тито. – В них толклись такие никчемные старики. Он на них похож.

Скобяные лавки с Канал-стрит давно исчезли. Их место заняли точки продажи сотовых телефонов и поддельной «Прады».

– Скажи ты Карлито, что дважды видел одну и ту же машину или хотя бы тетку, – проговорил Алехандро, обращаясь к дымящейся поверхности супа, – он бы послал кого-то другого. Так требует протокол.

Автор протокола, их дед, давно сгинул, как и старички с Канал-стрит. Его насквозь нелегальный прах развеяли промозглым апрельским утром со стейтен-айлендского паромы. Дядья прикрывали ритуальные сигары ладонями от ветра, и даже прижившиеся на борту карманники уважительно держались на расстоянии, понимая, что здесь дело сугубо личное.

– Там ничего не было, – сказал Тито. – Ничего интересного.

– Если нам платят за доставку ему контрабанды – а наша работа такая, что мы ничего другого не доставляем, – значит кому-нибудь наверняка интересно.

Тито мысленно попытался расшатать его логику, нашел ее неколебимой и кивнул.

– Слышал выражение «живи своей жизнью»? – Алехандро перешел на английский. – Это всех нас касается, если хотим удержаться здесь.

Тито ничего не ответил.

– Сколько всего было поставок?

– Четыре.

– Многовато.

Дальше они ели молча, под металлический грохот грузовиков на Канал-стрит.

Потом Тито стоял перед глубокой раковиной у себя в Чайнатауне и стирал зимние носки с порошком. К носкам он уже привык, но по-прежнему удивлялся, какие они тяжелые, когда мокрые. А ноги по-прежнему мерзли, несмотря на кучу стелек из стокового магазина на Бродвее.

Он помнил раковину в гаванской квартире матери. Пластиковая бутылка с соком агавы, который служил ей моющим средством, мочалка – жесткий комок волокон того же растения – и баночка с углем. По краю раковины постоянно бежали куда-то мелкие муравьи. В Нью-Йорке, однажды заметил Алехандро, муравьи совсем не такие проворные.

Другой кузен, переехавший из Нового Орлеана после наводнения, рассказывал, как видел на волнах целый шар рыжих муравьев. Видимо, так они спасались. «Вот и мы, – подумал тогда Тито, – чтобы выплыть в Америке, держимся друг за друга на плотике общего ремесла. Нас меньше, но наша сила – в протоколе».

Иногда он смотрел новости по-русски на Русско-американском телевидении. В последнее время ему казалось, что голоса ведущих доносятся из далекого сна или с борта подводной лодки. Интересно, значит ли это, что он постепенно забывает язык?

Тито выжал носки, заново наполнил раковину и, оставив их полоскаться, вытер ладони о старую футболку, висевшую рядом вместо полотенца.

Окон в квадратной комнате не было, только белые гипсокартонные стены, стальная дверь да голый бетонный потолок. Порой Тито лежал на матрасе, разглядывая следы от листов фанеры, ископаемые свидетельства потопов с верхнего этажа. Других постоянных жильцов здесь не было. В одной из квартир на том же этаже корейки шили детскую одежду, другую арендовала мелкая фирма, что-то связанное с интернетом. Квартиру для Тито снимали его дяди. Когда помещение требовалось им для своих дел, Тито ночевал на икейском диване у Алехандро.

В его квартире, кроме раковины и унитаза, были электроплитка, матрас, компьютер, микрофон, динамики, синтезатор, телевизор «Сони», утюг и гладильная доска. Одежда висела на старой чугунной вешалке-каталке, принесенной с тротуара Кросби-стрит. За одним из динамиков стояла синяя вазочка из китайского универмага на Канал-стрит; ее Тито втайне посвятил богине Ошун, которую кубинские католики называют Пресвятой Милосердной Девой из Кобре.

Подключив синтезатор «Касио» к длинному шнуру, он открыл над раковиной с носками горячий кран, придвинул к ней очень высокое складное кресло из того же универмага и, устроившись в люльке из черной парусины с «Касио» на коленях, погрузил ноги в теплую воду. Потом закрыл глаза и коснулся пальцами кнопок. Тито подыскивал звук, похожий на потускневшее серебро.

Если сыграть хорошо, быть может, музыка наполнит пустоту Ошун.

3. Волапюк

Кутаясь в пальто *Paul Stuart*, украденное месяц назад в закусочной на Пятой авеню, Милгрим смотрел, как Браун отпирает стальную дверь парой ключей из прозрачного гермопакета, – в такие пакеты Деннис Бердуэлл, знакомый дилер из Ист-Виллиджа, расфасовывал кристаллический метамфетамин.

Браун выпрямился и пробуравил Милгрима уже привычным взглядом, исполненным злобного презрения.

– Открывай, – приказал он, переступив с ноги на ногу.

Милгрим сгреб в кулак полу пальто и через нее взялся за ручку. Дверь распахнулась. В темноте слабо тлела красная искорка индикатора – должно быть, от выключенного компьютера. Милгрим шагнул вперед, не дожидаясь толчка в спину.

Сейчас его занимала крошечная таблетка ативана, которая тихо таяла под языком. Она уже истончилась настолько, что ощущалась кожей как микроскопические чешуйки на бабочкином крыле.

– Почему его так назвали? – рассеянно произнес Браун, методично обшаривая комнату нестерпимо ярким лучом фонаря.

Милгрим услышал, как за спиной закрылась дверь и щелкнул замок.

Брауну было несвойственно думать вслух; видимо, в этот раз он здорово перенервничал.

– Как назвали?

Меньше всего сейчас Милгриму хотелось говорить. Он бы с радостью сосредоточился на мгновении, когда таблетка тает под языком на грани бытия и небытия.

Круг света остановился на складном парусиновом кресле возле казенного вида раковины. У комнаты был жилой запах. Не вонь.

– Почему его так назвали? – повторил Браун с намеренно грозным спокойствием.

Он был из тех, кто не любит лишний раз произносить имена или упоминать понятия, которые презирает из-за недостаточной важности либо иностранного происхождения.

– Волапюк, – догадался Милгрим, как только таблетка исполнила свой трюк с полным исчезновением. – Эсэмэс набирают латинскими буквами и цифрами, а читают их как буквы кириллицы, на которые они похожи.

– Я спросил, откуда название?

– Был такой искусственный язык, эсперанто, для международного общения, – ответил Милгрим. – Волапюк – другой международный язык. Когда русские обзавелись компьютерами, то обнаружили на дисплеях и клавиатурах латинский алфавит, не кириллицу, вот и соорудили ее подобие из наших символов. Назвали волапюком. Такая вроде как шутка.

– В жопу, – отрезал Браун, очевидно имея в виду волапюк, Милгрима и даже НУ, которыми так интересовался.

На языке Брауна, как уяснил Милгрим, НУ означало «нелегальный устроитель» – преступник, который помогает другим преступникам в их делах.

– Посвети.

Браун сунул ему фонарь – профессиональный, с насечкой на металле, чтобы не блестел.

Спрятанный под паркой Брауна пистолет из композитного пластика тоже совершенно не блестел. Это как с обувью и аксессуарами, рассуждал про себя Милгрим; стоит кому-нибудь щегольнуть крокодильей кожей, и через неделю она уже будет у всех. Вот и в городе Браунтаун царил сезон неблестящего антицвета. Очень долгий сезон.

Браун натягивал зеленые латексные перчатки.

Милгрим светил фонариком туда, куда ему велели, и смаковал глубину восприятия, которую давала таблетка. Когда-то он встречался с женщиной, утверждавшей, что витрины мага-

зинов, где распродают излишки армейского имущества, – гимн мужской слабости. Интересно, в чем слабость Брауна? Этого Милгрим не знал, однако сейчас восхищался его руками в хирургических перчатках: они шевелились, как дрессированные морские существа из сказочного цирка-аквариума, наученные изображать движения фокусника. Вот они нырнули в карман и достали прозрачную коробочку, откуда ловко извлекли крохотный голубовато-серебристый предмет. Что-то корейское. Милгрим не помнил, отчего эти цвета ассоциировались у него с Кореей.

Батарейка.

Батарейки нужны везде. Даже в том приборчике, что ловит для Брауна и его своры редкие эсэмэски НУ, исходящие и входящие, прямо из воздуха этой квартиры. Милгрим недоумевал: он раньше думал, «жучок» должен быть в телефоне. А этот НУ, по рассказам Брауна, редко использовал дважды одну и ту же трубку или номер. Покупал их и выбрасывал. А впрочем, если вспомнить, так поступал и Бердуэлл.

Браун встал на колени возле вешалки с одеждой и принялся ощупывать зелеными перчатками край чугунного основания на колесиках. Милгрим шурился на рубашки НУ и черную куртку: ему хотелось взглянуть на фирменные ярлычки, но приходилось держать фонарь, освещая чужие руки. Какая же это марка? Может, А. Р. С.? Или нет?.. Однажды, когда они вдвоем сидели в закуской на Бродвее, мимо прошел НУ собственной персоной, даже глянул на них через запотевшее окно. Браун от неожиданности спсихел, начал лихорадочно диктовать по беспроводной гарнитуре какие-то коды. Милгрим поначалу даже не понял, что паренек в черной кожаной шляпе с загнутыми впереди полями и есть тот самый НУ. Он выглядел как этнический вариант молодого Джонни Деппа. Браун однажды упомянул кубинско-китайское происхождение НУ и его родных, но Милгрим не определил бы этого на глаз. Скорее бы принял парня за филиппинца, да и то неуверенно. К тому же вся семья говорила по-русски. Вернее, обменивалась эсэмэсками на чем-то вроде русского. Голосов людям Брауна, насколько Милгрим знал, перехватить пока не удалось.

Эти-то люди и беспокоили Милгрима. Вообще Милгрима тревожила масса всего, в том числе сам Браун, однако брауновские невидимые товарищи удостоились отдельной мысленной папки. Во-первых, их явно было чересчур много. Где служит Браун? В полиции? А те, кто перехватывает для него эсэмэски, – полицейские? В это Милгриму верилось с трудом. Они действовали как сотрудники федерального агентства. Но коли так, кто тогда Браун?

Тот словно услышал беззвучный вопрос и, не вставая с колен, тихонько, с пугающим удовлетворением, хмыкнул. Морские зеленые твари вновь вынырнули на свет, держа что-то черное, матовое, возможно замотанное такой же черной матовой изолентой. Следом тянулся крысиный хвост черной матовой проволоки, тоже с изолентой. Милгрим догадался, что старая вешалка из Швейного квартала служит приборчику дополнительной антенной.

Браун менял батарейку, а Милгрим аккуратно держал фонарь так, чтобы освещать ему работу, но и не попадать в глаза.

Так, может, Браун из федерального агентства? ФБР? Управление по борьбе с наркотиками? Милгрим когда-то встречал и тех, и других. Он знал, что это разные (и взаимно враждебные) породы людей. Браун явно не принадлежал ни к одной из них. Впрочем, за последнее время наверняка появились новые, невиданные прежде разновидности федералов. Однако сочетание явно низкого IQ Брауна с той степенью автономности, которой он располагал в нынешней неведомой операции, продолжало смутно терзать Милгрима, несмотря на действие таблетки, необходимой, чтобы просто стоять здесь и не вопить.

Браун, склонившись к ржавому основанию вешалки, сосредоточенно установил «жучок» обратно.

Вставая, он сбил что-то темное с перекладины. Оно беззвучно упало на пол. Браун забрал фонарь и последний раз обвел лучом пожитки НУ. Милгрим тронул второй темный предмет, тот, что остался на вешалке. Холодная влажная шерсть.

Раздражающе яркий луч отыскал в темноте возле колонки аудиосистемы дешевую с виду вазочку, синюю с перламутром. Усиленный голубовато-белый диодный свет играл на блестящей поверхности, создавая впечатление нереальной прозрачности, – казалось, там что-то плавится. Фонарик погас, а вазочка словно осталась перед глазами Милгрима.

– Уходим, – объявил Браун.

Уже на улице, торопливо шагая по тротуару в направлении Лафайет-стрит, Милгрим решил про себя, что стокгольмский синдром – выдумка. Сколько недель прошло, а он так и не проникся к Брауну теплыми чувствами.

Ну вот ни капли.

4. Погружаясь в локативность

К вестибюлю «Стандарта» примыкал ночной ресторан: длинное помещение с окнами во всю стену, где между черных матовых диванов торчали обглоданные фаллосы громадных кактусов.

Одиль села у окна, Альберто, в мешковатой пендлтоновской ковбойке, – рядом с нею, напротив Холлис.

– Кабыпространство, – загадочно объявила француженка, глотая половину «р». – Оно выворачивается...

– Что-что?

– Кабыпространство, – подтвердила Одиль. – Выворачивается.

Для пущей наглядности она сделала жест, неприятно напомнивший Холлис вязаную модель матки, которую учительница демонстрировала им на уроках семейной жизни.

– Выворачивается наружу, – пояснил Альберто. – Киберпространство. Фруктовый салат и кофе.

Последние слова, как не без усилия сообразила Холлис, предназначались официантке. Одиль заказала кофе с молоком, Холлис – кофе и бейгл. Официантка ушла.

– Думаю, можно сказать, что все началось первого мая двухтысячного года, – сказал Альберто.

– Что началось?

– Геохакерство. По крайней мере, потенциально. Гражданские получили доступ к геокоординатам GPS – прежде исключительно военной системы.

Со слов Филипа Рауша Холлис смутно поняла, что будет писать про использование художниками интернета, широты и долготы, поэтому виртуальное изображение смерти Ривера Феникса застало ее врасплох. Теперь она вроде знала, с чего начнет статью.

– Сколько у тебя таких инсталляций, Альберто? – спросила Холлис, а мысленно прибавила: «И все ли они посмертные?»

– Девять. В «Шато Мармон», – он указал куда-то вдоль бульвара Сансет, – я буквально на днях завершил виртуальный храм Хельмута Ньютона. Рядом с тем местом, где он разбился. После завтрака покажу.

Официантка принесла кофе. Холлис смотрела, как очень молодой, очень белокожий англичанин покупает на кассе желтую пачку *American Spirit*. У англичанина была жидкая борода, похожая на мох у мраморного водостока.

– Так постояльцы «Шато Мармон» не знают о твоей инсталляции? – спросила Холлис. – И никак не могут о ней узнать?

Как пешеходы не знают, что идут по спящему Риверу на тротуаре бульвара Сансет.

– Да. Пока не могут. – Альберто порылся в рюкзаке у себя на коленях, вытащил содовый, спаренный посредством серебристой ленты с другим электронным приборчиком. – А вот с помощью этой штуки... – Он нажал какую-то кнопку, открыл телефон и ловко застучал по клавишам. – Когда она станет всем доступна...

Предмет оказался у Холлис в руке. Это был телефон в сочетании с блоком GPS, правда на корпусе виднелся надрез, и оттуда росли странные устройства, приоткрытые серебристой лентой.

– Это для чего?

– Смотри.

Она прищурилась на экранчик. Поднесла его к глазам. Увидела ковбойку Альберто, но в странных кубистических линиях, горизонтальных и вертикальных. Что за бледные кресты? Холлис подняла взгляд на собеседника.

– Это не произведение локативного искусства, – сказал тот. – Нет привязки к месту. Попробуй навести на улицу.

Она направила обмотанный клейкой лентой гибрид на Сансет – и увидела четкую, идеально ровную плоскость белых крестов, расставленных по невидимой сетке, которая тянулась в бескрайнее виртуальное пространство. Чудилось, что белые вертикали, расположенные примерно на уровне тротуара, уменьшаясь и тая с расстоянием, уходят под Голливудские холмы.

– Американские жертвы в Ираке, – произнес Альберто. – Я с самого начала подключился к сайту, где при каждом сообщении о новых смертях добавлялись кресты. Эту штуку можно взять куда угодно. У меня есть слайд-шоу кадров из разных местностей. Думал отослать его в Багдад, так ведь никто не поверит, что это реальные тамошние снимки, а не фотешоп.

Холлис, оторвав взгляд от усеянного крестами поля, по которому ехал черный «рейнджровер», успела заметить, как Альберто пожал плечами.

Одиль прищурилась над белым краем чашки.

– Картографические атрибуты невидимого. – Французенка поставила чашку на стол. – Гипермедиа с привязкой к местности. – Теперь она говорила почти без акцента, – казалось, терминология вдесятеро усиливала ее способность бегло говорить по-английски. – Художник аннотирует каждый сантиметр пространства, любого материального предмета. Все могут видеть вот на таких устройствах.

Она указала на телефон Альберто, как будто в обвитом серебристой лентой чреве таился зародыш будущего.

Холлис кивнула и вернула прибор хозяину.

Тут прибыли фруктовый салат и поджаренный бейгл.

– И ты курируешь это искусство в Париже, да, Одиль?

– Повсюду.

А ведь Рауш был прав, решила Холлис, тут есть о чем писать. Хотя, конечно, ей еще предстоит разбираться и разбираться.

Методично уничтожив полпорции фруктового салата, Альберто глянул на Холлис; вилка застыла в воздухе.

– А можно спросить?

– Да?

– Как вы поняли, что с «Ночным дозором» все кончено?

Холлис посмотрела ему в глаза: типичная фанатская одержимость. Впрочем, никто, кроме фанатов, и не признавал в ней культовую певицу начала девяностых годов. Если не считать радиодиджеев, историков поп-культуры и коллекционеров, лишь они и знали о существовании группы. Однако в музыке «Ночного дозора» было нечто вневременное, и она до сих пор завоевывала поклонников. Новички вроде Альберто обычно вели себя пугающе серьезно. Холлис не знала, сколько лет ему стукнуло, когда группа распалась, но для его подсистемы увлечений это было все равно что вчера. У Холлис сохранялась такая же подсистема по отношению ко многим музыкантам, поэтому она чувствовала себя обязанной ответить честно:

– Да мы не то чтобы поняли. Просто на каком-то существенном уровне все как-то само собой закончилось, я даже точно не уловила, когда именно. Это стало мучительно ясно, и мы разбежались.

Как Холлис и ждала, ответ не удовлетворил Альберто, зато, по крайней мере, тот услышал правду. Она и себе не могла объяснить внятней, да, в общем-то, уже давно и не пыталась.

– Мы как раз выпустили компакт-диск на четыре песни. Чувствуем, это конец. Остальное – вопрос времени... – Надеюсь, что тема исчерпана, она принялась намазывать половинку бейгла творожным сыром.

– Это произошло в Нью-Йорке?

– Да.

– А было какое-то точное время или место, когда вы поняли, что «Ночной дозор» распался? Когда группа приняла решение перестать быть группой?

– Надо подумать.

Пожалуй, не стоило так отвечать.

– Я бы хотел это изобразить, – сказал Альберто. – Ты, Инчмейл, Хайди и Джимми. Расстаетесь.

Одиль заерзала на черном диване: она не понимала, о чем разговор, и ей это не нравилось.

– Иншмель? – нахмурилась она.

– Что мы еще посмотрим, пока я в городе, Одиль? – Холлис улыбнулась Альберто, давая понять, что тема закрыта. – Мне нужен твой совет. И нужно договориться, когда я возьму у тебя интервью. И у тебя, Альберто. А сейчас я совсем вымоталась. Хочу спать.

Одиль сплела пальцы вокруг фарфоровой чашки. Ногти выглядели так, словно их покусала зверюшка с очень мелкими зубками.

– Мы тебя вечером заберем. Легко успеем посмотреть десяток композиций.

– Сердечный приступ Скотта Фицджеральда, – предложил Альберто. – Здесь недалеко.

Плотно орнаментированные буквы-переростки на обеих руках отливали тюремным оттенком индиго, и Холлис гадала, что там написано.

– Но ведь он тогда не умер? – спросила она.

– В магазине «Virgin», – сказал Альберто. – Отдел мировой музыки.

От мемориала Хельмуту Ньютону работы Альберто – много черно-белой наготы с отдаленным намеком на ар-деко в память о работах фотографа – Холлис пошла в «Мондриан» пешком. Выдалась одна из тех мимолетных минут, какие бывают каждым солнечным утром в Западном Голливуде, когда странные обещания хлорофилла и невидимых нагретых плодов наполняют воздух благодатью за мгновение до того, как на улицы ляжет тяжелое одеяло выхлопных газов. В такие минуты можно краем глаза уловить райскую красоту чего-то минувшего сто с лишним лет назад, но именно сейчас томительно близкого. Словно город можно стереть со стекол очков и забыть.

Темные очки... Надо было взять с собой хоть одну пару.

Холлис смотрела на тротуар в пятнах жевательной резинки. На бурые и бежевые пальмовые волокна, оставленные ураганом. И чувствовала, что дивное мгновение проходит, как всегда.

5. Два вида пустоты

Выйдя из японского супермаркета «Санрайз» уже перед самым закрытием, Тито остановился поглазеть на витрины «Ёдзи Ямамото» на Гранд-стрит.

Одиннадцатый час. Улица была совершенно безлюдна. Тито повертел головой: кругом ни души, даже желтые такси куда-то запропастились. Снова глянул на асимметричные лацканы не то плаща, не то накидки на пуговицах. В витрине отражались его темный костюм и темные глаза. В руке – санрайзовский пакет, нагруженный почти невесомыми стаканчиками с японской лапшой моментального приготовления. Алехандро посмеивался над этим пристрастием брата: мол, с тем же успехом можно есть сам пенопласт, но Тито лапша нравилась. Япония была для него планетой нестрашных тайн, родиной игр, аниме и плазменных телевизоров.

Впрочем, асимметричные лацканы «Ёдзи Ямамото» загадки не представляли. Всего лишь мода, и Тито вроде бы ее понимал.

Порой он боролся со странной раздвоенностью сознания, когда видел эти витрины, оформленные с дорогим аскетизмом, и одновременно – столь же, но по-иному аскетичные витрины Гаваны.

Там не было стекол. По ночам за грубыми железными решетками горели подводным светом одинокие люминесцентные лампы. И никаких товаров, чем бы ни торговали днем. Лишь аккуратно выметенные полы и грязная, покоробленная штукатурка.

Отражение в стекле «Ямамото» еле заметно пожало плечами. Тито продолжил путь, радуясь теплым сухим носкам.

Интересно, где сейчас Алехандро? Наверное, в своем излюбленном безымянном баре на Восьмой авеню, за Таймс-сквер; неоновая вывеска так и возвещала: «БАР» и ни слова больше. Именно там братец встречался с галерейщиками; ему нравилось затаскивать кураторов и дилеров в эти красноватые сумерки, в общество полусонных пуэрто-риканских трансвеститов и вокзальных проституток. Тито недолюбливал это место. Казалось, оно отыскивало во времени свою крокодилию заводь, тупиковый континуум разбавленного пойла и подспудной тревоги.

Вернувшись домой, Тито заметил упавший с вешалки постиранный носок и повесил его обратно – сушиться дальше.

6. Райз

Спору нет, Милгрима радовала необыкновенная четкость наполненной азотом оптики в австрийском монокуляре Брауна. Но только не запах его жевательной резинки в холодном воздухе у задней дверцы наблюдательного фургона.

Фургон заранее припарковал на Лафайет-стрит кто-то из помощников. Браун проскочил на красный свет, чтобы успеть на место, как только наушник сообщил, что НУ направляется сюда. А теперь НУ застрял перед витриной «Ёдзи Ямамото» как приклеенный.

– Что он там делает? – Браун отобрал свой монокуляр, серовато-зеленый и неблестящий – под стать фонарю и пистолету.

Милгрим наклонился и припал невооруженным глазом к смотровому отверстию. Их в фургоне было штук шесть, каждое закрывалось привинченным сдвижным клапаном из черного пластика. Снаружи, на покрытой граффити поверхности, они приходились на черные пятна внутри тегов. Интересно, настоящие ли это теги? Быть может, фургон нарочно оставляли на улице, чтобы ночные граффитисты его расписали, но даже если так, обманет ли такая маскировка настоящего граффитиста? Сколько лет этим тегам? А если они что-то вроде зелени для камуфляжа, подобранной не по сезону?

– Смотрит на витрину, – сказал он, отлично понимая бесполезность своего ответа. – Поедете за ним до самого дома?

– Нет, – буркнул Браун. – Он заметит фургон.

Милгрим не брался гадать, сколько человек наблюдали, как НУ делает покупки в японском магазине, пока они вдвоем хозяйничали в его квартире, меняя батарейку в «жучке». Этот мир людей, постоянно следящих за другими людьми, был ему в новинку, хотя он вроде бы всегда подозревал, что где-то так и происходит. Видишь такое в кино, читаешь о таком, но не думаешь, что будешь дышать облаком чужого дыхания у задней дверцы студеного фургона.

Теперь уже Браун наклонился и прижал упругий край монокуляра к холодному запотевшему металлу. Милгрим лениво, почти разнеженно подумал: а что, если прямо сейчас взять что-нибудь тяжелое и стукнуть Брауна по голове? Он даже пошарил глазами в поисках подходящего предмета, но увидел только сложенный брезент и перевернутые пластмассовые ящики из-под молока, на которых они оба сидели.

Словно прочитав его мысли, Браун круто развернулся и сердито сверкнул глазами.

Милгрим заморгал, надеясь, что выглядит смиренным и безобидным. Это было не сложно: он никого не бил по голове с начальной школы и вряд ли мог ударить сейчас. Впрочем, в плену его тоже раньше не держали.

– Рано или поздно он пошлет или получит эсэмэс у себя в квартире, – сказал Браун, – а ты переведешь.

Милгрим покорно кивнул.

Они остановились в «Нью-Йоркере», на Восьмой авеню. Смежные номера, четырнадцатый этаж. Похоже, Браун питал особую привязанность к этой гостинице, поскольку они въезжали сюда не то в пятый, не то в шестой раз. Почти весь номер Милгрима занимала двуспальная кровать, напротив стоял телевизор на тумбе из ДСП. «Пиксели на облицовочном шпоне слишком крупные», – подумал Милгрим, снимая краденое пальто и садясь на край постели.

Тут появился Браун и повторил свой обычный фокус: укрепил на косяке и на двери по маленькой коробочке того же серого оттенка, что фонарь, пистолет и монокуляр. То же самое он проделал у себя в комнате – все ради того, чтобы Милгрим не улизнул, пока он спит. Милгрим не знал, как работают коробочки, но Браун велел не трогать дверь, когда они там. Милгрим и не трогал.

Затем Браун бросил на покрывало в цветочек упаковку таблеток и ушел к себе. Через минуту в соседней комнате заработал телевизор. Теперь уже Милгрим легко узнавал музыкальную заставку канала «Фокс ньюс».

Он покосился на таблетки. О нет, совсем не коробочки на двери удерживали его от побега.

Милгрим поднял упаковку. И увидел надпись: «РАЙЗ, 5 мг» и дальше что-то... вроде бы... ну да, по-японски. По крайней мере, так обычно выглядит декоративный японский шрифт на упаковках.

– Эй?

В соседней комнате за открытой дверью Браун перестал стучать по клавиатуре бронированного ноутбука.

– Чего тебе?

– Что это?

– Твое лекарство.

– Тут написано «райз» и еще что-то по-японски. Это не ативан.

– Один хрен, – произнес Браун, угрожающе растягивая слова. – Тот же четвертый список Управления по борьбе с наркотиками. Ну все, а теперь заткнись.

И пальцы снова застучали по клавишам.

Милгрим посмотрел на упаковку и опустился на кровать. Райз? Первым порывом было позвонить своему дилеру в Ист-Виллидж. Впрочем, гостиничный телефон точно выключен, незачем и проверять. Тут же пришла другая мысль: попросить у Брауна ноутбук и погуглить название. На странице Управления по борьбе с наркотиками есть все наркотические средства из четвертого списка, в том числе иностранного производства. Если Браун действительно федерал, он мог получить таблетки и прямо в УБН. А надежды одолжить ноутбук у Милгрима было не больше, чем позвонить Деннису Бердуэллу.

К тому же он задолжал Бердуэллу при неловких обстоятельствах. Такая вот паршивая история.

Он положил упаковку на угол ближайшего прикроватного столика, на котором остались черные дуги от незатушенных и догоревших сигарет. Дуги чем-то напоминали арки «Макдональдса». Интересно, скоро ли Браун закажет сэндвичи?

Значит, райз...

7. Буэнос-Айрес

Холлис снилось, что она в Лондоне с Филипом Раушем, торопливо шагает по Монмут-стрит к шпилью Севен-Дайлз. Холлис никогда не видела Рауша, но сейчас, как бывает во сне, он был одновременно Реджем Инчмейлом. Стоял зимний день под серым сплошным небом, и вдруг оно расцветилось карнавальными огнями: прямо на них опускалась цветомузыкальная громада космического корабля-носителя из «Ближних контактов третьей степени» – фильм вышел, когда ей было семь, мать его обожала. Корабль странным образом втиснулся в улицу, словно электронагреватель для клеток с рептилиями, и они с Инчмейлом пригнулись, разинув рот.

Но тут Рауш – Инчмейл резко отбросил ее руку и сказал, что это всего лишь рождественское украшение, просто очень большое, подвешенное между отелем справа и кофейней слева. И правда, теперь Холлис ясно увидела натянутые провода, однако в окне кофейни зазвонил телефон, вернее, полевой аппарат времен Первой мировой войны; холщовая сумка была перемазана светлой глиной, как и отвороты колючих шерстяных брюк Рауша – Инчмейла...

– Алло?

– Рауш.

«Рауш твою бабушку», – подумала она, прижимая к уху раскрытый сотовый. Солнце Лос-Анджелеса вгрызалось в края многослойных занавесок отеля «Мондриан».

– Я спала.

– Есть разговор. Мы тут откопали одного человечка, вам надо встретиться. Одиль с ним едва ли знакома, а вот Корралес – наверняка.

– И с кем знаком Альберто?

– С Бобби Чомбо.

– Чомбо?

– Локативные художники на него молятся. Он у них главный технарь. Геохакер. GPS-сигналы не проникают в здания. Чомбо ставит «заплатки». Триангуляция с сотовых вышек, других систем.

– Мне надо с ним встретиться?

– Если не сможешь устроить через Корралеса, звони мне. Что-нибудь придумаем.

Это был не вопрос и даже не просьба. Холлис подняла брови, молча кивнула в темноте: есть, босс.

– Хорошо.

Молчание, затем:

– Холлис?

Она выпрямилась и села в позу лотоса. Мысленно ощетибилась:

– Да?

– Будешь с ним разговаривать – обрати особое внимание на перевозки.

– Перевозки?

– Тенденции глобальных перевозок. Особенно в связи с геопространственной разметкой, которой занимаются Корралес и Одиль. – Опять молчание. – И айподы.

– Айподы?

– Как средство передачи данных.

– Когда их используют как внешние диски?

– Именно.

Внезапно ей совершенно разонравилась эта история. По-новому разонравилась. Постель представилась пустыней, и под белым песком что-то свивалось кольцами – быть может, олгой-хорхой, воображаемая домашняя зверюшка Инчмейла.

Иногда чем меньше мы говорим, тем лучше, решила она.

– Ладно, спрошу Альберто.

– Хорошо.

– А ты разобрался с моими счетами?

– Конечно.

– Не отключайся. Я позвоню на ресепшен по другой линии...

– Подожди минут десять. Я перепроверю на всякий случай.

– Спасибо.

– Тут у нас был о тебе разговор, Холлис.

Ох уж это безличное администраторское «у нас»!

– Да?

– Мы тобой очень довольны. Как насчет того, чтобы поступить на оклад?

Олгой-хорхой подбирался все ближе, прячась в хлопковых дюнах.

– Серьезное предложение, Филип. Надо обдумать.

– Думай.

Холлис закрыла сотовый.

Ровно десять минут спустя она по гостиничному телефону позвонила на ресепшен и получила подтверждение: теперь ее проживание, включая непредвиденные расходы, оплачивалось карточкой «Американ экспресс» на имя Филипа М. Рауша. Холлис переключилась на парикмахерскую гостиницы, узнала, что через час у мастера «окно», и записалась на стрижку.

На часах было около двух, стало быть в Нью-Йорке около пяти, а в Буэнос-Айресе – на два часа позже. Холлис нашла в сотовом номер Инчмейла, но позвонила с гостиничного стационарного телефона.

Инчмейл ответил сразу.

– Редж? Это Холлис. Я в Лос-Анджелесе. Вы обедаете?

– Анжелина кормит Уилли. Как твои дела?

Уилли – их годовалый сын. Анжелина (в девичестве Райан) – жена Инчмейла, аргентинка, чей дед был лоцманом на Рио-Парана. С Инчмейлом она познакомилась, когда работала то ли в «Dazed & Confused»⁶, то ли в другом журнале, – Холлис всегда их путала. Зато Анжелина знала о лондонских журналах больше, чем кто-либо еще.

– Непросто, – признала Холлис. – А ты как?

– Понемножку. Временами даже неплохо. Похоже, мне нравится быть отцом. И потом, здесь все-таки... даже не знаю... по старинке. Не успели все отчистить добела. Как старый Лондон. Копоть и сажа. Ну, или как Нью-Йорк.

– Можешь кое-что спросить у жены?

– Дать ей трубку?

– Нет, пусть кормит Уилли. Спроси, что она слышала, если слышала вообще, про новый журнал под названием «Нод».

– «Нод»?

– Косят под «Wired», но вслух так не говорят. А капиталы, думаю, бельгийские.

– Тебя пригласили на собеседование?

– Позвали в штат. Сейчас я у них фрилансером. Просто подумала, вдруг Анжелина что-нибудь знает.

– Погоди, – сказал Редж. – Я положу телефон. А то он на стенке висит, на проводе...

---

⁶ Журнал назван по одноименной песне *Led Zeppelin*, представляющей собой переработку песни американского автора-исполнителя Джейка Холла. Впоследствии Холл подавал на Пейджа и Планта в суд за нарушение своих авторских прав.

Трубка легла на твердую поверхность. Холлис опустила свою и прислушалась к полуденному шуму машин на Сансет. Неясно, куда подевался робот Одиль, но в комнате было тихо.

В Буэнос-Айресе Инчмейл снова взял трубку.

– Бигенд, – сказал он.

С бульвара донесли визг тормозов, удар и звон стекла.

– Прости, не поняла.

– Бигенд. Ну, «биг» плюс «энд». Рекламный магнат.

Снаружи запела автомобильная сигнализация.

– Который женат на Найджелле?⁷

– Того зовут Саатчи. А это Губерт Бигенд. Бельгиец. Агентство «Синий муравей».

– И что?

– Анжи говорит, твой «Нод», журнал уж это или нет, – проект Бигенда. Одна из его маленьких лондонских фирм. Вспомнил: у жены, пока она работала в своем журнале, были с ними кое-какие дела. Что-то неприятное.

Сигнализация замолчала, зато раздался вой сирены.

– Что за шум? – спросил Инчмейл.

– Авария на Сансет. Я в «Мондриане».

– У них по-прежнему коридорных выбирает специалист по кастингу?

– Похоже, да.

– Оплачивает Бигенд?

– Ага, – ответила Холлис.

Где-то очень близко завизжали тормоза, сирена взмыла и замолкла.

– Вряд ли все совсем плохо.

– Вряд ли, – сказала Холлис. Хотя не была в этом уверена.

– Мы по тебе скучаем. Звони.

– Хорошо, Редж. Спасибо тебе. И Анжелине тоже.

– Ну, до свидания.

– Ладно, пока, – сказала она и повесила трубку.

Приближалась другая сирена – должно быть, «скорая помощь». Холлис решила не подходить к окну. Судя по звукам, авария была не очень страшная, но и на просто страшное смотреть не хотелось.

Она нащупала в темноте квадратный блок белой гостиничной бумаги с тиснением, взяла безупречно отточенный карандаш с логотипом отеля и записала большими печатными буквами: «БИГЕНД».

Надо будет погуглить.

---

⁷ Найджелла Лоусон (р. 1960) – ведущая кулинарных шоу. Автор четырех книг, собравших огромное множество наград. Десять лет обозревала гастрономию в британском *Vogue*. До 2013 г. была замужем за магнатом Чарлзом Саатчи, владельцем всемирно известного рекламного агентства *Saatchi & Saatchi*.

8. Мороз по коже

Альберто пришлось объясняться с охраной «Virgin» по поводу шлема и ноутбука. Вежливые ребята в форме явно не прониклись идеей локативного искусства. И Холлис, положив руку на сердце, тоже.

Альберто хотел показать ей на Уондерленд-авеню свою композицию, посвященную Джиму Моррисону, но Холлис понимала, что это не для нее. Даже если Альберто сумел затуманить легендарную развязность «короля ящериц» и сделать упор, допустим, на клавишных партиях Рэя Манзарека – Холлис все равно не хотела писать о невидимом виртуальном монументе *The Doors*. Хотя, как несколько раз указывал Инчмейл, еще когда они были группой, Манзарек и Кригер творили чудеса и тем сводили на нет пьяные искусства Джима.

Дыша вечерним выхлопным газом в укромном торговом комплексе на углу Кресент-Хайтс и Сансет, наблюдая, как Альберто Корралес доказывает ее, Холлис Генри, право посмотреть виртуальный сердечный приступ Скотта Фицджеральда, она вдруг ощутила некую отстраненность, краткий период покоя – возможно, из-за новой отличной стрижки, которую сделал ей в «Мондриане» обаятельный и одаренный молодой стилист.

Приступ Фицджеральда был не смертельным. Для статьи тоже было бы не смертельно, если бы Холлис не увидела композицию. Или почти не увидела, как и случилось на самом деле: она лишь мельком глянула, как мужчина в твидовом костюме и с пачкой «Честерфилда» в правой руке держится за грудь у хромированной стойки в стиле модерн. Пожалуй, «Честерфилд» был прорисован в чуть большем разрешении, чем остальное, хотя окружение тоже было сделано занятно, вплоть до непривычных силуэтов машин за окном, но тут охрана «Virgin», недовольная тем, что кто-то надел непонятную маску в отделе мировой музыки, положила конец «безобразию». Холлис быстро вернула Альберто шлем и вышла из магазина.

Одиль могла бы умаслить охранников, но у нее разыгралась астма, то ли от биомассы, поднятой в воздух ночным ураганом, то ли от критической массы разнообразной ароматерапевтической продукции в помещениях «Стандарта».

И все же Холлис чувствовала спокойствие – возможно, ту самую ясность, которую Джимми Карлайл, айвовский басист «Ночного дозора», пока не ушел в свою героиновою долину, называл просветлением. В этом состоянии она осознала себя во времени и обстоятельствах и решила, что более или менее ими довольна – или по крайней мере была довольна неделю назад, покуда ей не позвонили из «Нода» и не сделали предложение, которое она не могла ни отклонить, ни по-настоящему понять.

Если «Нод», как описал его молодежавый, но металлический голос Рауша, и впрямь научный журнал с культурным уклоном (научный журнал в прикольных штанах, назвала она про себя), следует ли отсюда, что ей, бывшей вокалистке «Ночного дозора» и малоизвестной журналистке, закажут за очень серьезные деньги статью о бредовом направлении в современном искусстве?

Нет, прозвучало в глубине ее краткого спокойствия. Не значит. А главная аномалия отчетливо проступила, когда Рауш приказным тоном потребовал встретиться с Бобби Чомбо и прощупать его на предмет неких «тенденций глобальных перевозок». Это, скорее всего, и было основное, а Одиль Ришар и остальные – только предлог.

И тут в потоке машин на Сансет она вдруг увидела барабанщицу из «Ночного дозора» Лору Хайд, по прозвищу Хайди, за рулем небольшого паркетного внедорожника, вроде немецкого (Холлис не особо разбиралась в автомобилях). Они не общались уже года три, но Холлис знала, что Хайди живет на Беверли-Хиллс и работает в Сенчури-Сити. Сейчас она, скорее всего, возвращалась домой после рабочего дня.

Подождал Альберто с ноутбуком под мышкой и шлемом в другой руке и произнес зло:

– Фашистское мудаچه.

Слова так не шли к его серьезному виду, что он на минуту представился ей персонажем мультика.

– Все хорошо, – заверила она. – Нет, правда. Я кое-что разглядела. Я видела. Получила общее впечатление.

Он странно заморгал. Неужто боролся со слезами?

От Кресент-Хайтс Альберто по просьбе Холлис отвез ее в закусочную «Hamburger Hamlet».

– Бобби Чомбо, – сказала она, когда они сели.

Альберто свел брови.

– Бобби Чомбо, – повторила Холлис.

Он мрачно кивнул:

– Помогает с моими композициями. Гений.

Холлис попыталась прочесть вычурные синие буквы у него на руках – и ничего не разобрала.

– Альберто, а что у тебя здесь написано?

– Ничего.

– Как ничего?

– Шрифт делал один художник из Токио. Он абстрагирует буквы до полной нечитаемости. Последовательность генерируется случайно.

– Слушай, а что тебе известно про «Нод», журнал, для которого я пишу?

– Европейский? Новый?

– Ты давно знаком с Одиль?

– Нет.

– А раньше ты про нее слышал?

– Да. Она куратор.

– То есть она с тобой связалась и попросила дать мне интервью для «Нода»?

– Да.

Официант принес две «Короны». Холлис чокнулась с Альберто бутылкой и начала пить из горлышка. Альберто подумал и сделал то же самое.

– Почему ты спрашиваешь?

– Прежде я не писала для «Нода». Хочу разобраться, как они и что.

– А при чем здесь Бобби?

– Я пишу про твоё искусство. Почему не поинтересоваться технической стороной?

Альберто явно было не по себе.

– Бобби... – начал он и запнулся. – Очень скрытный человек.

– Правда?

Альберто сник:

– Идея всегда моя, и я выстраиваю изображение, а Бобби привязывает его к конкретному месту. Даже в помещении. И еще устанавливает роутеры.

– Роутеры?

– На сегодняшний день каждая композиция требует отдельной беспроводной сети.

– И где роутер для Ривера?

– Не знаю. Тот, что для Ньютона, закопан в цветочную грядку. С Фицджеральдом гораздо сложнее. Он не всегда там.

– Значит, Бобби не станет со мной говорить?

– Думаю, он будет недоволен, что ты вообще о нем слышала. – Альберто нахмурился. – Кстати, от кого?

– От моего лондонского редактора из «Ноде». Его зовут Филип Рауш. Он сказал, что ты наверное знаком с Бобби, а вот Одиль – вряд ли.

– Правильно.

– Уговоришь Бобби потолковать со мной, Альберто?

– Это не...

– Он, случаем, не фанат «Ночного дозора»? – Она внутренне поморщилась, выкладывая на стол эту карту.

Альберто прыснул – как будто под мощным корпусом забулькал углекислый газ – и расплылся в блаженной ухмылке, вспомнив, что перед ним звезда. Отхлебнул еще пива.

– Вообще-то, он правда вас слушает. На этой почве мы с ним поначалу и сошлись.

– Альберто, мне нравятся твои работы. Нравится то, что я видела. Буду рада увидеть еще. Твой Ривер Феникс – мое первое впечатление об этом искусстве, и очень сильное...

Собеседник выжидающе напрягся. Холлис продолжала:

– Но я никогда не писала таких статей. Мне нужна твоя помощь. Надо как-то освоиться в «Ноде», а редакция требует разговора с Бобби. Понятно, у тебя нет причин мне доверять...

– Я тебе доверяю, – осторожно проговорил Альберто. – Доверяю, просто... – Он поморщился. – Ты не знаешь Бобби.

– Расскажи. Расскажи про него.

Альберто указательным пальцем провел на белой скатерти линию. Потом другую, под прямым углом к первой.

– Координатная сетка GPS, – произнес он.

У Холлис по копчику побежали мурашки.

Художник подался вперед:

– Бобби расчертил свое жилье на квадраты. Внутри квадратов сетки, только меньше. Он видит мир в координатах GPS, как будто они везде. То есть они правда везде, но... – Альберто насупил брови. – Бобби не спит две ночи в одном квадрате. Вычеркивает их, никогда не ложится на прежний.

– Тебя это смущает? – Саму Холлис это смущало, но она не знала, каковы критерии странности у Альберто.

– Ну, Бобби... он и есть Бобби. Станный? Безусловно. Трудный человек.

Беседа явно катилась не по тем рельсам.

– И еще я хочу побольше узнать, как ты делаешь свои композиции, – сказала Холлис.

Фраза должна была подействовать безотказно. И действительно, Альберто тут же просветлел.

Прибыли заказанные гамбургеры. Художник глянул на свой, словно хотел отодвинуть его в сторону.

– Я начинаю с ощущения места, – сказал он. – События, места. Потом собираю материал. Ищу фотографии. Например, с Фицджеральдом: снимков события не было, записи пришлось собирать по крупичкам. Но есть его фотографии приблизительно того же времени. По ним видно, как он одевался, какая стрижка. Прочие снимки. Плюс то, что удалось найти о Швабской точке, – уйма информации, это был самый знаменитый в Америке драгстор⁸. Отчасти из-за того, что владелец Леон Шваб утверждал, будто Лану Тёрнер впервые заметили, когда она потягивала через трубочку колу именно там⁹. Она, правда, отрицала все до последнего слова.

---

⁸ *Драгстор* – типично американское заведение, сочетающее аптеку и магазинчик товаров первой необходимости. Долгое время здесь также предусматривались стойки с газированной водой и небольшие закусовые. В 1940 г. американский писатель Ф. Скотт Фицджеральд заглянул в аптеку Шваба, чтобы купить пачку сигарет, и у него начался сердечный приступ. В 1986 г. аптеку Шваба закрыли; десятилетием позже на его месте появился музыкальный магазин «Virgin».

⁹ *Лана Тёрнер* (1921–1995) – американская кинозвезда. По легенде, шестнадцатилетнюю Лану пригласили сняться в кино, когда она пила кока-колу в закусовой, мимо которой проходил главный редактор газеты «Hollywood Reporter».

Похоже, Шваб выдумал это для привлечения покупателей. Зато в журналах появилась куча снимков. В мельчайших подробностях.

– И ты обрабатываешь фотографии в... 3D? – Холлис не знала, как правильно сказать.

– Шутишь? Я все моделирую.

– Как?

– Строю виртуальные модели, натягиваю на них текстуры – их я либо сканирую, либо создаю сам, обычно для конкретной композиции. У каждой модели есть собственный виртуальный скелет, который можно разместить в окружении. Потом я с помощью цифрового освещения добавляю тени и блики. – Альберто изучающе прищурился, словно проверяя, слушает ли Холлис. – Это как лепить из глины. Сперва внутренняя структура: позвоночник, плечи, локти, пальцы. Примерно как создают героев для компьютерной игры. Потом я моделирую множество голов с немного разными выражениями лица и собираю их в одно.

– Зачем?

– Так правдоподобнее. Выражение не кажется искусственным. Раскрашиваю их и оборачиваю каждую модель текстурой. У меня их целая коллекция; некоторые сканированы с реальной кожи. Для Ривера, например, я никак не мог отыскать подходящий семпл. Потом взял скан кожи у одной совсем юной вьетнамки. И получилось. Знавшие Феникса сказали, очень похоже.

Холлис положила гамбургер.

– Надо же, сколько трудов. Я думала, все получается... само собой. С помощью... технологий.

Альберто кивнул:

– Ну да. Этого добра тоже достаточно. Мне остается самая, так сказать, архаичная часть работы. Расставить виртуальное освещение так, чтобы тени падали правильно. И потом создать особую атмосферу, чувство пространства... – Он пожал плечами. – Когда все готово, оригинал существует лишь на сервере, в одних только виртуальных измерениях: высота, длина, ширина. Иногда у меня такое чувство, что если сервер накроется и моя модель с ним, то созданное мной продолжит существовать, по крайней мере как математическая вероятность, и что мир, в котором мы живем... – Альберто нахмурился.

– Да?

– Функционирует по тем же законам. – Он снова пожал плечами и взялся за бургер.

«Жуть, – подумала Холлис. – Ну ты и псих».

Но ничего не сказала, только серьезно кивнула и тоже взяла бургер.

9. Холодная гражданская война

Его разбудил сигнал телефона: пришла эсмэска. Тито нашарил в темноте сотовый и быстро прочел текст на волапюке. Алехандро ждал снаружи и просил его впустить. Глубокая ночь, десять минут третьего. Тито сел на постели, натянул свитер, носки, джинсы. Обулся и тщательно завязал шнурки: так требовал протокол.

На лестничной площадке было свежо, в лифте немного теплее. Спустившись в узкий, озаренный люминесцентными лампами вестибюль, Тито негромко стукнул в дверь подъезда. В ответ раздалось три условных удара и еще один после паузы. Тито открыл. Вошел Алехандро, окутанный нимбом уличной стужи и запахом виски. Тито запер за ним дверь.

– Что, разбудил?

– Да, – ответил Тито и направился к лифту.

– Я тут был у Карлито, – сообщил Алехандро, входя вслед за ним в кабину.

Тито нажал кнопку, лифт закрылся.

– У нас с ним общие дела... – продолжал Алехандро. Имелось в виду: «не связанные с семейным бизнесом». – Так вот, я спросил насчет твоего старика.

– С какой стати? – Тито отпер квартиру.

– Да вот, показалось, что ты не принимаешь меня всерьез.

Они вступили в темноту. Тито включил маленькую лампу, соединенную с MIDI-клавиатурой, и спросил:

– Кофе сделать? Или чая?

– *Zavarka*?

– Пакетики.

Тито уже не готовил чай по-русски, но по привычке опускал бумажные мешочки в дешевый китайский *chainik*.

Алехандро пристроился в ногах матраса, подтянул колени к подбородку.

– А Карлито еще заваривает. И пьет с ложкой варенья. – Зубы Алехандро блеснули в свете маленькой MIDI-лампы.

– Что он тебе рассказал?

– Наш дед стажировался у Семенова, – сказал Алехандро.

Тито повернулся к электроплитке и наполнил чайник.

– Это кто?

– Семенов был первым советником Кастро, из КГБ.

Тито посмотрел на брата. Он как будто слушал детскую сказку, причем смутно знакомую. «А потом дети повстречали летающую лошадь», – сказала бы мама. «А потом дедушка повстречал советника из КГБ». Он вновь повернулся к плитке.

– Мало кому известно, что дед принимал участие в создании *Dirección General de Inteligencia*¹⁰.

– Это тебе Карлито сказал?

– Я уже знал. От Хуаны.

Тито обдумывал его слова, ставя чайник на спираль. Дед не унес всех секретов с собой. Семейные легенды росли как грибы, хотя глубокая помойка общей истории рода не расширялась в стороны из-за секретности. Хуана, так долго отвечавшая за создание нужных документов, наверняка представляла более общую картину. И потом, она была самой мудрой, спокой-

---

¹⁰ ДГИ (Главное управление разведки Министерства внутренних дел) – кубинская спецслужба. ДГИ состояла из множества отделов по образу и подобию КГБ: внешней разведки, контрразведки, оперативный, следственный. Особенно выделялись два: тайная полиция и отдел по тайным акциям и связям с зарубежным левым подпольем.

ной и терпеливой. Тито и здесь часто ее навещал. Тетка водила его в супермаркет «El Siglo XX» за мукой из маланги и бататами. Соусы, которые она к ним готовила, были непривычно резкими на теперешний вкус Тито, зато ее пирожки-эмпанадас наполняли его счастьем. Хуана не упоминала Семенова, но научила Тито многому другому. Он покосился на сосуд с Ошун:

– Так что ты узнал про старика?

Александро посмотрел на него поверх коленей:

– Карлито говорит, в Америке идет война.

– Какая война?

– Гражданская.

– Здесь никто не воюет.

– А когда наш дед помогал создавать ДГИ в Гаване, разве американцы воевали с русскими?

– Это называлось «холодная война».

Александро кивнул и обхватил колени руками:

– Вот-вот. Холодная гражданская война.

Со стороны, где стояла вазочка Ошун, раздался резкий щелчок, однако Тито подумал об Элегбе, Открывающем и Закрывающем Пути. Глянул на Александро.

– Ты не следишь за новостями, Тито, – заметил тот.

Тито вспомнил голоса ведущих на Русско-американском телевидении, тающие вдали вместе с его русским, и сказал:

– Иногда слежу.

Чайник засвистел. Тито снял его с плитки, ополоснул заварочный *chainik* кипятком, добавил пару пакетиков, привычным движением залил их и закрыл крышкой.

Поза Александро напомнила Тито детство, когда они с мальчишками запускали деревянный волчок на булыжной мостовой, а вокруг сгущался зной наступающего дня. Они все были в отглаженных белых шортах и с красными галстуками. Интересно, в Америке запускают волчки?

Пока чай настаивался, Тито присел рядом с Александро.

– Тито, ты понимаешь, как наша семья стала такой, какая она есть?

– Все началось с деда и ДГИ.

– Ну, это длилось недолго. КГБ нужна была собственная сеть в Гаване.

Тито кивнул:

– Бабушкина родня всегда жила в квартале Колумба. Еще до Батисты, если верить Хуане.

– Карлито сказал, твоего старика разыскивают люди из государственных органов.

– Какие люди?

– Карлито говорит, это похоже на Гавану перед уходом русских. Все не как прежде.

Он говорит, старик устроил наш переезд сюда. Великая магия, братишка. Дед бы в одиночку не управился.

Внезапно Тито припомнился запах англоязычных бумаг в заплесневелом конверте:

– Ты сказал Карлито, что, по-твоему, это опасно?

– Сказал.

Тито поднялся, чтобы разлить по стаканам чай.

– А тот ответил, что наша семья ему обязана? – предположил он. И посмотрел на брата.

– Да, и что старик просил слать именно тебя.

– Почему?

– Ты напоминаешь ему деда. И отца, который работал на старика перед самой смертью.

Тито протянул кузену стакан с чаем.

– *Gracias*¹¹, – сказал Алехандро.
– *De nada*¹², – ответил Тито.

---

¹¹ Спасибо (*исп.*).

¹² Не за что (*исп.*).

10. Новый девонский период

Милгриму снился мессия флагеллантов, воплотивший в себе черты лже-Балдуина и «учителя из Венгрии», когда Браун затряс его, просунув руки в теплое мелководье сна.

– Это что? – повторял он.

Милгрим счел вопрос чисто экзистенциальным, но Браун вдавил пальцы в основание его челюсти – ощущение было настолько ужасным, что Милгрим не сразу опознал в нем боль. Он словно воспарил над кроватью, однако закричать не успел: Браун (в зеленых латексных перчатках, как всегда в такие особые минуты) зажал ему рот.

В ноздри ударил запах свежего латекса.

Другая рука показывала экран «блэкберри».

– Это что?

«Карманный персональный компьютер», – едва не ответил Милгрим, но прищурился и сквозь слезы различил на экране текст на волапюке, которым переписывались родичи НУ.

Рука оставила рот в покое, запах перчатки рассеялся.

– «Я у подъезда, – торопливо перевел Милгрим, – ты дома?» Подпись: А-Л-Е. Але.

– Все?

– Больше. Ничего. Нет.

Милгрим принялся растирать челюсть – там, где располагались большие нервные узлы. Вот так же парамедики приводят в чувство наркоманов при передозе.

– Десять минут третьего, – сказал Браун, глядя на экран «блэкберри».

– Зато вы убедились, что «жучок» работает, – вставил Милгрим. – Вы меняли батарейки, теперь знаете, что все хорошо.

Браун выпрямился и пошел к себе, не потрудившись закрыть дверь.

«Не за что», – подумал Милгрим, с открытыми глазами ложась обратно на подушку – возможно, чтобы снова увидеть флагеллантского мессию.

В прорезном боковом кармане ворованного пальто обнаружился толстый томик выпуска тысяча девятьсот шестьдесят первого года в мягком переплете – история революционного мессианства в средневековой Европе. Многие строки были подчеркнуты черной авторучкой, поэтому книгу совсем недавно перепродали всего за три с половиной доллара. Возможно, тому самому человеку, чье пальто украл Милгрим.

Мессия флагеллантов представлялся ему коллекционной фигуркой с полотна Иеронима Босха, из какого-то очень качественного японского винила. Мессия в обтягивающем желтом плаще с капюшоном перемещался в тускло-коричневом пространстве, населенном другими фигурками из того же винила. Некоторые тоже были навеяны Босхом – скажем, исполинские ходячие ягодицы, между которыми торчало древко большой стрелы. Другие, вроде флагеллантского мессии, сошли со страниц украденного томика. Милгрим читал его каждый вечер, по кругу. Насколько он помнил, его раньше такое не занимало, но теперь ему нравилось смотреть окрашенные книгой сны.

НУ почему-то был птицеголовой босховской тварью, за которой гнались люди Брауна на геральдических животных, не совсем лошадях; над коричневыми капюшонами преследователей развевались стяги с девизами на волапюке. Иногда они на много дней углублялись в стилизованные рощицы по краю пейзажа, где под сенью деревьев мелькали таинственные существа. Временами Браун сливался с флагеллантским мессией в одно и бичевал себя плетью с кривыми шипами зеленовато-серого цвета, общего для пистолета, фонаря и монокуляра.

Однако то новое, теплое, словно кровь, девонское мелководье, где плавали видения, породил не ативан, а райз – японский продукт, моментально внушивший Милгриму глубокое уважение. Он чувствовал, что у лекарства есть потаенные возможности, которые раскроются

со временем. Возникло ощущение подвижности, которого так не хватало в последнее время, – не потому ли, что Милгрим вел жизнь пленника?

С райзом стало легче обдумывать концепцию несвободы, и Милгрим нашел ее тягостной. Он был в довольно паршивом состоянии, когда появился Браун с неограниченными запасами ативана и предложением-приказом, и тогда казалось, что это совсем не плохо. Собственно, Браун тогда спас ему жизнь. От резкой завязки можно и помереть. А без денег это очень даже вероятно.

И все-таки... Сколько ему предполагается дышать едкими миазмами Браунова прогорклого тестостерона? «Меня могут убрать», – проговорил его собственный голос из последних развалин личности. Кажется, раньше Милгрим не употреблял этого глагола в особом аргентинском значении, но теперь оно было кстати. Или будет. Хотя, судя по тому, куда покати́лась жизнь, его и так давно убрали. Никто, кроме Брауна, не знает, где он. У Милгрима нет ни наличных, ни кредитки, паспорт забрали, а спать приходилось в комнатах с зелено-вато-серыми коробочками на дверях – сигнализацией, оберегающей покой Брауна.

А главное – лекарство. Даже если удастся сбежать, у него будет запас в лучшем случае на сутки. Браун никогда не выдавал больше.

Милгрим вздохнул, окутанный теплыми околоплодными водами своего состояния.

Хорошая таблетка. Очень хорошая. Набрать бы таких побольше.

11. Боббиленд

Расписанный ацтекскими рисунками «фольксваген» катил по дороге к востоку от Санта-Моники.

– У Бобби агорафобия, – предупредил Альберто, стоя на светофоре за черным джипом «гранд-чероки-ларедо» с непроницаемо тонированными стеклами. – Не любит выходить на улицу. Но и не спит дважды на одном месте, так что ему не просто.

«Чероки» поплыл вперед, Альберто тронулся следом.

– Давно это с ним? – спросила Холлис. Ей важно было поддержать разговор о Бобби.

– Не знаю, мы всего два года знакомы.

– А он известен в ваших кругах?

«Круги» – слово расплывчатое, но она надеялась, что художник сам заполнит пробелы.

– Да, Бобби лучше всех. Он был главным по отладке в орегонской фирме, которая делала профессиональные навигаторы. Что-то военное. Говорит, очень передовое.

– А теперь собирает композиции для художников?

– Помогает собирать. Без Бобби я бы не привязал модели к координатам. И другие художники, которых я тут знаю, тоже.

– А как же ваши коллеги в Нью-Йорке или, скажем, в Талсе? Как я понимаю, это не местное развлечение?

– Да, всемирное.

– Ну и кто у них вместо Бобби?

– В некоторых нью-йоркских работах он участвовал. Линда Морс поставила бизона на Манхэттене. Кто помогал? Бобби. Есть еще какие-то люди в Америке, в Лондоне, где угодно. А у нас вот Бобби.

– То есть он как бы... продюсер? – Холлис надеялась, что он поймет: речь о музыкальном продюсере, не о кино.

Альберто бросил на нее быстрый взгляд:

– Точно. Хотя, пожалуй, лучше меня не цитировать.

– Значит, не для прессы.

– Ну да, он вроде продюсера. Если бы делом Бобби занимался кто-нибудь другой, то и мои композиции были бы иными. Иначе бы действовали на зрителя.

– Можно ли сказать, что художник в вашей области с полным набором того, что умеет Бобби...

– Творит лучше?

– Ага.

– Не обязательно. Аналогия со звукозаписью работает и здесь. Что-то зависит от материала, от художника, а что-то держится на способностях и чутье продюсера.

– Расскажи про его чутье.

– Бобби – технарь и прямолинейный реалист, хотя сам того не осознает...

Холлис поняла, что при всей полезности Бобби в эстетическую сторону ему серьезно мешиваться не дают.

– Он хочет, чтобы все выглядело «по-настоящему», и не задается вопросом, что значит «настоящее». И таким образом привносит свою интерпретацию.

– Как с твоим Ривером?

– Главное, не будь Бобби, я не мог бы делать композиции внутри зданий. Даже некоторые наружные инсталляции получаются лучше, когда он триангулирует от сотовых вышек. Для Фицджеральда он использовал РЧИД-систему «Virgin». – Альберто беспокойно посмотрел на Холлис. – Ему не понравится, что я тебя привел.

– Если б ты спросил разрешения, он бы отказал.

– Верно.

Холлис глянула на дорожный указатель: теперь они ехали по Ромейн-стрит, между длинными и приземистыми промышленными зданиями, по большей части старыми. Вывесок почти не было, преобладала аккуратная анонимность. Наверное, здесь располагались киноархивы, компании по спецэффектам, даже студии звукозаписи. Уютные, ностальгические текстуры: кирпич, беленые бетонные блоки, замазанные краской окна в стальных переплетах, деревянные столбы с массивными гроздьями трансформаторов. Машина будто заехала в мир американской легкой промышленности, каким его описывали учебники пятидесятих годов. Сейчас улица пустовала, но Холлис сомневалась, что днем тут болеелюдно.

Свернув с Ромейн-стрит, Альберто припарковался и снова полез на заднее сиденье за лэптопом и шлемом.

– Если повезет, увидим новую работу, – сказал он и пошел к невыразительному бетонному зданию, покрашенному белой краской и почти лишенному окон.

Холлис выбралась из машины и, закинув на плечо сумку с ноутбуком, двинулась следом. Альберто остановился перед зеленой стальной дверью, дал Холлис подержать шлем, а сам нажал утопленную в бетон кнопку, словно телепортированную сюда из «Стандарта».

– Смотри туда. – Альберто указал куда-то вверх и направо от двери.

Холлис подняла взгляд, ожидая увидеть камеру, но так ее и не нашла.

– Бобби, – произнес Альберто, – знаю, ты не любишь гостей, тем более незваных, но я решил, ты сделаешь исключение для Холлис Генри. – Он выдержал паузу, словно шоумен. – Проверь. Это она.

Холлис уже собралась улыбнуться невидимому объективу, но передумала и представила, будто позирует для обложки диска. Во времена «Ночного дозора» у нее было фирменное чуть насупленное выражение: если припомнить прошлое, лицо по умолчанию становилось именно таким.

– Альберто... Черт... Ты что вытворяешь? – Голос звучал ниоткуда, слабый, не мужской и не женский.

– Бобби, я привел Холлис Генри из «Ночного дозора».

– Альберто...

Тонкий голос не знал, что сказать.

– Простите, – вмешалась Холлис, возвращая Альберто шлем. – Я не хотела мешать. Просто Альберто знакомил меня со своим искусством, объяснял, как важно твое участие, вот я и...

Зеленая дверь заскрежетала и приотворилась. В щели возникли белокурая челка и небесно-голубой глаз. И эта детскость выглядела почему-то не комичной, а страшной.

– Холлис Генри, – проговорил Чомбо уже нормальным, мужским голосом, и голова показалась целиком.

Как у Инчмейла, у Бобби настоящий, архаический рокерский нос. Полноценный рубильник в стиле Таунзенда и Муна¹³ – из тех, что раздражали Холлис в мужчинах, не ставших музыкантами, поскольку выглядели показными. Как будто их отрастили, чтобы смахивать на рок-музыкантов. А главное, все они – бухгалтеры, рентгенологи, кто там еще, – обязательным приложением к солидному шнобелю носили длинные челки. Наверное, все дело в парикмахерах; видя роковый меганос, они делают стрижку в соответствии с исторической традицией. Или глубинные парикмахерские инстинкты требуют закрыть левый глаз клиента тяжелой косой челкой из простого чувства гармонии.

Впрочем, невыразительный подбородок Чомбо действительно требовал некоего противовеса.

---

¹³ Пит Таунсенд (р. 1945) и Кит Муни (1944–1978) – гитарист и барабанщик британской рок-группы *The Who*.

– Привет. – Холлис протянула руку и пожала холодную безвольную ладонь, которая словно норовила тихонько выскользнуть.

– Не ждал, – отвечал Бобби, приоткрывая дверь еще на пару дюймов.

Холлис вошла – и увидела неожиданно большое пространство. Ей вспомнились олимпийские бассейны и крытые теннисные корты. Лампы – по крайней мере в центральной части – тоже были яркими, как в бассейне: полусферы фасетчатого промышленного стекла. Бетонный пол покрывала какая-то приятная серая краска. В таких помещениях строят декорации, изготавливают реквизит или снимают второстепенные сцены.

Однако то, что создавалось здесь – возможно, нечто очень большое, – нельзя было увидеть невооруженным глазом. Серый пол был расчерчен на квадраты по двухметровой сетке, линиями из белого порошка – скорее всего, при помощи машинки, какими наносят разметку на стадионах. У дальней стены была прислонена как раз такая машинка – зеленая, на одном колесе. Линии вроде бы шли не параллельно стенам, и Холлис отметила про себя, что об этом надо будет спросить. В середине освещенного пространства стояли два серых раскладных стола по двадцать футов каждый, офисные кресла *Aeron* и тележки с компьютерами. Все это выглядело как рабочее помещение человек на двадцать, однако здесь не было никого, кроме носатого Бобби.

Холлис повернулась к нему. На Бобби была ядовито-зеленая тенниска *Lacoste*, узкие белые джинсы и черные парусиновые кеды с необычно длинными заостренными носами. С виду она дала бы ему лет тридцать. Одежда выглядела намного чище хозяина: джинсы без единого пятнышка, тенниска отглажена, а вот самому Бобби не помешал бы душ.

– Извини, что без приглашения. Очень хотела познакомиться.

– Значит, Холлис Генри. – Бобби держал руки в передних карманах джинсов. Похоже, засунуть их туда стоило определенных усилий.

– Да, – сказала она.

– Альберто, зачем ты ее привел? – недовольно спросил Бобби.

– Думал сделать тебе приятное. – Альберто подошел к одному из серых столов положить лэптоп и шлем.

На полу по другую сторону стола яркой оранжевой изоляцией было изображено что-то, похожее на детский рисунок космической ракеты. Если Холлис верно оценила размеры сетки, контур протянулся на добрых пятнадцать метров. Внутри белые линии были тщательно стерты.

– Ну что, Арчи готов? – спросил Альберто, глядя в сторону оранжевого контура. – Новые скины уже анимируют?

Бобби вытащил руки из карманов, потер лицо:

– Не могу поверить, что ты так поступил. Приехал с ней.

– Это же Холлис Генри. Разве не здорово?

– Я уйду, – сказала она.

Бобби опустил руки, потрянул челкой и завел голубые глаза к потолку:

– Арчи готов. Все текстуры наложены.

– Холлис, – сказал Альберто, – посмотри. – То, что он держал в руке, было, надо полагать, виртуальным шлемом Бобби, причем явно не с дешевой распродажи. – Беспроводной.

Холлис подошла, взяла шлем, надела.

– Тебе понравится, – заверил художник. – Бобби?

– На счет один. Три... два...

– Знакомся, Арчи! – провозгласил Альберто.

На высоте десяти футов над оранжевыми контурами рисунка возник лоснящийся серовато-белый спрут длиной футов девяносто. Щупальца грациозно покачивались.

– Архитевтис, – пояснил Бобби.

Видимый глаз был величиной с колесо джипа.

– Скинны, – сказал Бобби.

По телу моллюска потекло сияние, подкожные пиксели заскользили, как на искаженном видеоизображении: стилизованные иероглифы, большеглазые герои аниме. Это было роскошно до смешного. Холлис восхищенно рассмеялась.

– Для универмага в Токио, – сказал Альберто. – Будет висеть над улицей в Синдзюку, в неоновых огнях.

– Локативное искусство уже используют для рекламы? – Холлис приблизилась к спруту, прошла под ним. Беспроводная маска давала совершенно другие ощущения.

– В ноябре у меня там выставка, – сообщил Альберто.

«Ага, – подумала Холлис, глядя на бесконечное мельтешение образов на поверхности Арчи. – Ривера в Токио заценят».

12. Запас

Во сне Милгрим видел себя голым в комнате спящего Брауна.

Это была не обычная нагота; она включала оккультную ауру сверхъестественно обостренных чувств, как у вампира из книги Энн Райс или начинающего кокаиниста.

Браун лежал под бежевым гостиничным одеялом из тех, в которых слой поролона заключен между двумя слоями жесткого полиэстера. Губы были приоткрыты, нижняя подрагивала на вздохе. Милгрим чувствовал к нему что-то вроде жалости.

В номере было темно, лишь горел красный индикатор выключенного телевизора, но призрачное «Я» Милгрима на совершенно другой частоте четко различало мебель и остальные предметы, как на экране таможенного сканера. Он видел пистолет и фонарь под подушкой, а рядом нечто прямоугольное со скругленными краями – наверное, складной нож (без сомнения, зеленовато-серый). Детская привычка – спать с любимыми игрушками. Даже в чем-то трогательная.

Милгрим воображал себя Томом Сойером, Брауна – Гекльберри Финном, бесконечную череду гостиничных номеров – плотом, ну а Манхэттен – холодными водами Миссисипи... и внезапно заметил у телевизора, на тумбе из ДСП, пакет. Бумажный пакет. Мягкий бумажный пакет. Внутри (особая призрачная нагота обнажала все) лежали знакомые прямоугольники фармацевтических упаковок.

Целый ворох. Изрядное количество. Солидный запас. Если тратить с умом, хватит на неделю.

Милгрим наклонился, словно его тянули магниты в скулах, – и вдруг, без всякого перехода, очутился у себя, в душной комнате. Уже не мистически голый, а в черных хлопковых трусах, которые не мешало бы сменить, он стоял у окна, прижавшись лбом и носом к холодному стеклу. По Восьмой авеню, четырнадцатью этажами ниже, полз одинокий желтый прямоугольник такси.

Милгрим провел дрожащими пальцами по щеке. Она была мокрой от слез.

13. Ящики

Она стояла под Арчи, любуясь переливами изображений, пробегающих от стреловидного плавника до кончиков длинных охотничьих щупалец. Промелькнули викторианские девушки в нижнем белье – быть может, героини «Пикника у Висячей скалы», фильма, которым частенько вдохновлялся Инчмейл перед концертами. Кто-то состряпал для Бобби прелестную кашу из видеокартинок, и они вроде бы даже не повторялись. Просто возникали все новые и новые.

Под беспроводной маской Холлис могла притвориться, будто не слышит, как Бобби шепотом распекает Альберто за ее неожиданное вторжение.

А темп между тем нарастал; на фоне черной ночи полыхали беззвучные взрывы. От особенно яркой вспышки Холлис невольно вздрогнула, затем потянулась поправить шлем и нечаянно задела сенсорную панель, вмонтированную над скулой слева от визора. Спрут Синдзюку исчез вместе с мельтешащими скинами.

Там, куда только что указывал его хвост, висел прозрачно-серебристый проволочный каркас, прямоугольный, четкий и в то же время нематериальный. В длину он мог бы вместить два автомобиля, по высоте был чуть выше человеческого роста, и сами эти пропорции намекали на что-то знакомое, даже банальное. Внутри, кажется, было что-то еще, но контуры каркасов сливались друг с другом.

Холлис хотела спросить, что это за проект, но Бобби подлетел и сдернул шлем так грубо, что она едва не упала.

Оба застыли. Голубые глаза Бобби за косою белокурой челкой, большие и круглые, как у совы, напомнили Холлис один конкретный снимок Курта Кобейна. Тут подошел Альберто и забрал шлем у обоих.

– Бобби, – сказал он, – давай уже возьми себя в руки. Это важно. Она пишет статью о локативном искусстве. Для «Нода».

– Для «Нода»?

– Угу.

– Что это за хрень?

– Журнал типа «Wired», только английский.

– Или бельгийский, – вставила Холлис. – Или какой-нибудь еще.

Бобби смотрел на них, как здоровый на двух помешанных.

Альберто щелкнул по сенсорной панели, которую нечаянно задела Холлис, погасил какой-то индикатор и отнес шлем на ближайший стол.

– Потрясающий спрут, Бобби, – сказала Холлис. – Я рада, что его увидела. А теперь я уйду. Извини за беспокойство.

– К черту, – с обреченным вздохом произнес тот.

Затем отошел к другому столу, разворошил кучу разных мелочей и вернулся с пачкой «Мальборо» и голубой зажигалкой «Бик». Закурил, опустил веки и глубоко затянулся. Открыл глаза, откинул голову и выдохнул голубой дым вверх, навстречу граненым полусферам. После новой затяжки он хмуро взглянул на гостей поверх сигареты:

– К черту. Задолбало. Целых девять часов. Девять. Долбанных. Часов.

– Попробуй пластырь, – предложил Альберто и обернулся к Холлис. – Ты вроде курила, когда пела в «Ночном дозоре»?

– Я бросила.

– С помощью пластыря? – Бобби вновь затянулся «Мальборо».

– Вроде того.

– Что значит «вроде»?

– Инчмейл прочел статью, как англичане открыли табак в Виргинии. Племена, которым он был известен, не курили, вернее, курили не как мы.

– А как? – Глаза Бобби под косой соломенной челкой смотрели уже не так безумно.

– Похоже на наше пассивное курение, только намеренное. Забирались под навес и поджигали кучу табачных листьев. А еще делали примочки.

– Примочки?.. – Бобби опустил сигарету.

– Никотин очень быстро всасывается через кожу. Инчмейл делал кашу из толченых листьев, приклеивал куском изоленты...

Глаза Альберто широко распахнулись.

– И так ты бросила курить?

– Не совсем. Опасная затея. Может запросто и убить, как мы потом выяснили. Если впитать весь никотин из целой сигареты, это будет больше смертельной дозы. Просто было так мерзко, что подействовало как аверсивная терапия. – Она улыбнулась Бобби.

– Может, попробую, – сказал тот, стряхивая пепел на бетонный пол. – Где он сейчас?

– В Аргентине.

– Концерты играет?

– Иногда, по мелочи.

– Записывается?

– Не слышала.

– А ты занялась журналистикой?

– Я ею и раньше немного занималась, – ответила Холлис. – Где здесь туалет?

– Вон там, в углу. – Бобби махнул в сторону, противоположную той, где Холлис видела Арчи и еще что-то непонятное.

Белые линии на полу были нарисованы чем-то вроде муки. И еще они чуть-чуть, но отклонялись от прямой. Холлис старалась на них не наступать.

Туалет был на три кабинки, с унитазом из нержавеющей стали, новее самого здания. Холлис заперла дверь, повесила сумку на крючок в первой кабинке, включила ноутбук и, пока он загружался, села на унитаз. Как она и ждала, здесь был Wi-Fi. Хотите подключиться к беспроводной сети *72fofH00av*? Холлис щелкнула «да», гадая, почему Бобби при таком характере не запаролил свою сеть. Впрочем, ее вообще удивляло, как многие этого не делают.

Пришло письмо от Инчмейла.

Анжелина вновь выражает озабоченность твоим, пусть непрямым или потенциальным, сотрудничеством с Бигендом, которого, она добавляет, правильнее произносить «Бей-дженд» или вроде того, но он сам так почти не говорит. Что важнее, она списалась со своей подружкой Мари из «Dazed» и получила достоверное подтверждение, что твой «Нод» и впрямь основательно засекречен. Никто о нем слухом не слыхивал. Не рекламировать печатный проект до первой публикации уже странно, но твой «Нод» не светится даже там, где засветился бы любой журнал, даже если его готовят в относительной тайне.

Инч.

«Все глубже погружаюсь в когнитивный диссонанс», – подумала она, споласкивая руки. Мондриановская стрижка в зеркале смотрелась по-прежнему неплохо.

Холлис выключила ноут и убрала его в сумку.

Альберто и Бобби сидели за столом в аэроновских креслах; судя по степени обшарпанности, те были в свое время куплены для стартапа, который вскорости прогорел, и пережили конфискацию и продажу с аукциона. Темно-серая сетчатая обивка была кое-где прожжена сигаретами.

Под лампами на потолке висели слоистые облака сизого дыма. Это напоминало концерты на стадионах.

Бобби сидел, подтянув колени к подбородку; несуществующие каблуки остроносых клонированных кедров упирались в обивку кресла. На замусоренном столе за его спиной Холлис разглядела банки «Ред булл», огромные водостойкие маркеры, а то, что притворялось кучкой сладостей, на деле оказалось белыми кирпичиками «Лего».

– Почему белые? – Холлис взяла один кирпичик, села в кресло и развернула его к Бобби. – Что-то вроде коричневых *M&M's*¹⁴ локативного компьютерного искусства?

– Им нужны были коричневые, – спросил у нее за спиной Альберто, – или чтобы коричневых не было?

Бобби пропустил его реплику мимо ушей:

– Скорее как изолента. Удобно, когда надо объединить электронику, а блок собирать на коленке неохота. Если держаться одного цвета, нет визуальной неразберихи. Белый – самый нейтральный для глаза, и фотографировать на его фоне лучше всего.

Холлис покатила кирпичик на ладони:

– Их что, так и продают целыми мешками?

– Спецзаказ.

– Альберто сказал, твоя работа вроде продюсерской. Ты согласен?

Бобби пристально посмотрел на собеседницу из-под челки:

– В самом обобщенном смысле. Примерно да.

– А как получилось, что ты стал ею заниматься?

– Я участвовал в разработках коммерческих GPS-технологий. Пошел туда, потому что хотел быть астрономом и грезил спутниками. Самый занятный взгляд на GPS-сеть – что с ней делать, к чему еще ее можно применить – у художников. У художников и у военных. Обычно так и происходит с новыми технологиями: самое интересное применение – на войне или в галереях.

– Но этот проект был с самого начала военным.

– Конечно, как, наверно, и вся картография. Основа – координатная сетка. Настолько фундаментальная, что мало кто это понимает.

– Одна моя знакомая сказала, что киберпространство «выворачивается». Так она выразилась.

– Конечно. И как только оно вывернулось, его не стало, верно? Да его никогда и не было, строго говоря. Разве что как направление. Теперь, когда есть сетка, оно здесь. Мы оказались по другую сторону экрана. – Он откинул челку и обоими глазами впился в Холлис.

– Вы повесите Арчи, – она махнула рукой в пустоту, – над улицей в Токио.

Бобби кивнул.

– Но можно отвезти его туда и в то же время оставить здесь, верно? Привязать его сразу к двум местам? Или ко скольким угодно?

Бобби молча улыбнулся.

– И кто будет знать о его присутствии? – продолжила Холлис.

– Сейчас, пока тебе не скажут, его отыскать нельзя. Только если знать его URL и GPS-координаты. Впрочем, это быстро меняется. Все больше сайтов, куда можно постить такие работы. Загляни на любой из них, а если есть интерфейс, – он указал на шлем, – плюс лэптоп и Wi-Fi, то вперед.

---

¹⁴ Изначально *M&M's* были коричневыми. В 1969 г. были добавлены красный, желтый и зеленый цвет. В наши дни коричневые *M&M's* встречаются реже других, и тот, которому досталось сразу несколько штук, считается «везунчиком». С ними же связана одна из легенд рока. Стандартный контракт группы *Van Halen* включал следующий пункт: за сценой должна стоять миска *M&M's* без единой коричневой конфеты; если в миске окажется хоть один коричневый *M&M's*, контракт считается расторгнутым и группа вправе не выйти на сцену.

Холлис подумала над его словами:

– Но ведь каждый из этих сайтов, или серверов, или... порталов...

Бобби кивнул:

– Показывает тебе другой мир. Сервер Альберто показывает мне мертвого Ривера Феникса на тротуаре, а чей-нибудь еще, ну не знаю, только хорошее. Одних котят, например. Наш мир будет сплошь состоять из каналов...

Холлис склонила голову набок:

– Из каналов?

– Да. И если вспомнить, во что превратилось телевидение, не очень приятная перспектива. Зато подумай о блогах: там тоже каждый по-своему пытается отразить реальность.

– Правда?

– Теоретически.

– О'кей.

– Но давай посмотрим на блоги. Реальная информация, скорее всего, будет в ссылках. Тут вопрос контекста, и дело даже не в том, на кого ссылается блог, а в том, кто ссылается на него.

– Спасибо.

Холлис положила кирпичик «Лего» на стол рядом с упаковкой новенького айпода, прекрасной, как оригами. Инструкции и гарантия по-прежнему были в запаянном пакете. В пакете поменьше – тонкий белый кабель. Тут же лежал ярко-желтый прямоугольный предмет чуть покрупнее «Лего». Холлис подняла его и задумчиво повертела в пальцах:

– Тогда почему так мало людей этим занимается? В чем отличие от виртуальной реальности? Помнишь, как мы все поначалу увлеклись?

Желтый предмет оказался пустотелой крашеной штамповкой. Деталь от игрушки.

– Каждый раз, глядя на экран, мы попадаем в виртуальную реальность. Уже не первый десяток лет. Очки не нужны, перчатки тоже. Виртуальная реальность – еще один специфический способ показать, куда мы движемся. Не слишком нас пугая, верно? А вот для локативного искусства нашей нервной системы мало. Пока мало. Когда-нибудь интерфейс будет у нас в голове. Разовьется настолько, что мы о нем забудем. Ты будешь просто идти по улице... – Он ухмыльнулся и развел руками.

– В Боббиленде, – закончила она.

– Именно так.

Перевернув желтую штамповку, Холлис прочла «СДЕЛАНО В КИТАЕ» маленькими рельефными буквами. Деталька от игрушечного грузовика? Контейнер? Да. Контейнер для перевозок.

И то же самое изображал прямоугольный виртуальный каркас. Транспортный контейнер в натуральную величину.

Холлис положила игрушку возле белого кирпичика «Лего» и отвела глаза.

14. Хуана

Тито помнил ее квартиру в Сан-Исидро, неподалеку от вокзала. Провода, лианами вьющиеся по стенам, голые лампочки под потолком, кастрюли и сковородки на массивных крюках. На алтаре теснились предметы, наполненные особым смыслом. Сляканы с тухлой водой, наполовину собранная пластмассовая модель советского бомбардировщика, лилово-желтая солдатская нашивка, бутылки старинного стекла – мутного, с пузырьками, хранящими воздух столетней давности. Предметы, по словам Хуаны, составляли сеть того, в чем боги чаще всего проявляются. Со стены на это все смотрела нарисованная Пресвятая Дева Гваделупская.

Тот алтарь, как и нынешний, на квартире в испанском Гарлеме, был в первую очередь посвящен Открывающему Путь и Ошун, чьи парные энергии никогда не достигают равновесия, никогда не бывают в покое.

Рабы, которым не разрешали поклоняться родным богам, вступали в католическую церковь и почитали их уже в качестве святых. Каждый бог получил второе, католическое лицо, как, например, Бабалу-Айе, он же Лазарь, воскрешенный Христом. Танец Бабалу-Айе был танцем живого мертвеца. Поздними вечерами в Сан-Исидро Тито наблюдал, как Хуана курит сигары и пляшет, словно одержимая.

Сегодня, много лет спустя, ранним утром, Тито сидел перед ее нью-йоркским алтарем, таким же опрятным, как и остальное жилище. Непосвященный увидел бы лишь обыкновенную полку, но Тито сразу разглядел старинные бутылки, те, чьи пузырьки хранили воздух давней поры.

Он только что закончил описывать старика.

Хуана больше не курила сигар. И, наверное, не плясала, впрочем за это он бы не поручился. Она подалась вперед, взяла с блюда на алтаре четыре кусочка кокоса и, проведя другой рукой по полу, поцеловала кончики пальцев и чисто символическую пыль. Закрыв глаза, прочла короткую молитву на языке, которого Тито не понимал. Строго задала вопрос на том же языке, встряхнула кусочки ореха в горсти и бросила перед собой. Потом немного посидела молча, упершись локтями в колени и разглядывая полученный результат.

– Все упали мякотью к небу. Это знак справедливости. – Хуана собрала рассыпанные кусочки и бросила снова. На сей раз два упали вверх кожурой. Тетка кивнула. – Подтверждение.

– Что?

– Я спрашивала о судьбе человека, который тебя тревожит. Он тревожит и меня. – Она стряхнула кокосовые кусочки в жестяную мусорную корзину. – Иногда ориши служат нам оракулами. Но они если и говорят, то не много, и даже им не всегда известно будущее.

Тито хотел помочь ей подняться, однако Хуана оттолкнула его руки. На ней было темно-серое платье с молнией спереди, похожее на форму. Лысеющую голову прикрывал того же цвета платок. Глаза были цвета темного янтаря, белки пожелтели, как слоновая кость.

– Пойду приготовлю тебе завтрак.

– Спасибо.

Отказываться было бесполезно. Да и зачем?

Хуана побрела на кухню, шаркая тапочками – серыми, как и казенного вида платье.

– Помнишь дом твоего отца в Аламаре? – Через плечо, из кухни.

– Там все дома были похожи на пластмассовый конструктор.

– Да, – согласилась тетка. – Город хотели сделать копией Смоленска. Я всегда считала, что твой отец мог бы найти место получше. В конце концов, у него, в отличие от других, был выбор.

Тито встал, чтобы лучше видеть, как ее старые руки режут хлеб, мажут его маслом и убирают в духовку, наполняют водой крохотную алюминиевую кофеварку, сыпят туда кофе, наливают молоко в стальную емкость.

– Да, твой отец мог выбирать. Может, в большей мере, чем твой дед. – Хуана обернулась и посмотрела племяннику в глаза.

– А почему?

– При русских твой дед был очень могущественным человеком на Кубе, хоть и держался в тени, а твой отец – первым и любимым сыном очень могущественного человека. Но дед, конечно, знал, что русские уйдут и все переменится. В девяносто первом году, когда это случилось, он угадал «особый период», дефицит и остальное. Угадал, что Кастро потянется к символу злейшего врага – американскому доллару. И конечно, он понял, что лишится власти. Впрочем, я расскажу тебе про твоего деда один секрет.

– Да?

– Он был коммунистом. – Хуана залилась таким поразительно девичьим смехом, что на миг показалось, будто в крохотной кухне есть кто-то еще. – Сантеро¹⁵, да, но коммунистом больше. Он верил. Все получилось не так, а уж мы-то знали больше простых людей, и тем не менее твой дед, по-своему, верил. Он, как и я, бывал в России. Как и я, имел глаза, чтобы видеть. И все равно верил. – Она пожала плечами, улыбнулась. – Думаю, это придавало ему некую дополнительную силу, дополнительную власть над теми, с кем мы благодаря ему оказались связаны. Они всегда подозревали о его вере. Не трагической, клоунской, как у восточных немцев, а скорее наивной.

Кухню наполнил запах поджаренного хлеба. Молоко почти закипело, и Хуана начала взбивать его бамбуковым венчиком.

– Разумеется, проверить они не могли. Тогда все говорили, что верят, по крайней мере – прилюдно.

– Почему ты сказала, что у него было меньше выбора?

– Глава большой семьи обременен обязанностями. А мы к тому времени стали не просто семьей, а тем, что мы сегодня. Твой дед мечтал о справедливом государстве, но в итоге выбрал семью. Будь он один, остался бы на Кубе. И может, даже еще и сейчас был бы жив. Гибель сына, конечно, сильно повлияла на его решение переправить нас в Америку. Садись.

Она поставила на столик желтый поднос, белое блюдо с тостами и большую белую чашку кофе с молоком.

– А этот человек помог деду перевезти нас сюда?

– В каком-то смысле.

– Как это понимать?

– Многовато вопросов.

Тито улыбнулся ей снизу вверх:

– Он из ЦРУ?

Хуана грозно зыркнула из-под серого платка. Бледный кончик языка показался в уголке ее рта и тут же исчез.

– А твой дед был из ДГИ?

Тито задумчиво окунул кусочек тоста в кофе и прожевал.

– Ну да.

– Правильно. Был, конечно. – Она потерла морщинистые ладони, словно что-то с них стряхивая. – Но на кого он работал? Вспомни наших святых, Тито. Два лица. Всегда два.

---

¹⁵ *Сантерия* – синкретическая религия, распространенная на Кубе и отчасти схожая с вуду. Ориши (духи из пантеона йоруба) отождествляются в ней с католическими святыми. *Сантеро* – жреческое сословие в сантерии.

15. Аферист

Инчмейл всегда был лысеющим, серьезным, немолодым – даже в первую встречу, когда им с Холлис только-только исполнилось девятнадцать. Фанатам «Ночного дозора» обычно либо нравился он, либо она и крайне редко – оба сразу. Бобби Чомбо, видимо, относится к первой категории, думала Холлис, пока Альберто вез ее в «Мондриан». И это хорошо. Можно вспомнить свои лучшие байки про Инчмейла, перетасовать, кое-что припрятать в рукав и выкладывать по одной, чтобы разговорить Бобби. Холлис никогда не спрашивала об этом Инчмейла, но не сомневалась, что он также при необходимости рассказывает байки про нее.

И не беда, что Бобби тоже музыкант, пусть не в традиционном смысле: не играет и не поет, а разбирает чужие вещи на фрагменты и соединяет по-своему. Холлис не имела ничего против, просто, как генерал Боске, глядящий на атаку легкой кавалерии, считала, что это не война¹⁶. Инчмейл такое понимал и даже одним из первых начал, как только появилась возможность, цифровым способом извлекать из гаражных записей гитарные партии и превращать во что-то иное, как безумный ювелир вытягивает викторианские столовые приборы в нечто насекомовидное, нефункционально хрупкое и опасное для нервной системы.

Страсть Бобби к «Мальборо» тоже играла ей на руку, хотя Холлис поймала себя на том, что невольно считает про себя сигареты и, поглядывая на пустеющую пачку, чувствует желание закурить самой. Она пыталась отвлечься, потягивала найденный среди завалов на столе теплый «Ред булл», и вскоре глаза у нее полезли на лоб – то ли от кофеина, то ли от таурина, другого знаменитого ингредиента, якобы извлекаемого из бычьих яичек. Странно: обычно быки выглядели гораздо спокойнее, чем Холлис чувствовала себя сейчас. Или это были коровы? Она не очень в них разбиралась.

Рассказ Бобби Чомбо про семплы помог Холлис хотя бы отчасти понять, что за человек перед ней, оправдать его тесные белые штаны и дурацкие туфли. По сути он был диджеем. Или типа диджея, что тоже считается. Его основная работа – наладка навигационных систем – вписывалась в общую картину. Многие типа диджеи по жизни технари и часто именно этим кормятся. Может, именно сочетание хипстера и технаря в одном человеке так сильно напомнило ей Инчмейла, а может, он просто из тех чудиков, с которыми Инчмейл всегда отлично управлялся. Отчасти потому, что и сам был в какой-то мере таким чудиком.

– Обошлось. Я думал, будет хуже, – прервал ее мысли Альберто. – Обычно с ним просто так пива не сваришь.

– Пару лет назад я играла в Сильверлейке, там это называют реггитон. Смесь регги и сальсы.

– Да?

– Чомбо. Был там такой крутой диджей: Эль-Чомбо.

– Это не Бобби.

– Ясное дело. А почему наш Бобби, белый, тоже Чомбо?¹⁷

Альберто ухмыльнулся:

– А чтобы другие спрашивали. Вообще-то, его Чомбо – это софт.

– Софт?

– Ага.

Она решила пока не забивать себе этим голову.

---

¹⁶ Во время Крымской войны британская легкая кавалерия по ошибочному приказу была брошена на русские пушки. Эпизод вошел в историю благодаря поэме Альфреда Теннисона «Атака легкой кавалерии». Французский генерал Пьер Франсуа Жозеф Боске, свидетель атаки, отозвался о ней так: «Это великолепно, но это не война».

¹⁷ Чомбо (исп.) – латиноамериканский негр, особенно англоговорящий.

- А ночует он там же?
- Да, и почти не выходит наружу без надобности.
- И, говоришь, никогда не спит в одном и том же квадрате сетки...
- Об этом при нем даже не заикайся.
- И он играет? Диджействует?
- Делает подкасты, – ответил Альберто.
- У Холлис зазвонил сотовый.
- Аллю?
- Это Редж.
- Только что про тебя думала.
- По какому случаю?
- Потом расскажу.
- Ты получила мой мейл?
- Да.
- Анжелина просила позвонить. Еще раз подчеркнуть. Еще-еще.
- Я поняла, спасибо. Но ничего уже не поделаешь. Пусть все идет, как идет, и посмотрим,

что получится.

- Ты на каком-то семинаре?
- Почему это?
- Тебя вдруг потянуло философствовать.
- Я тут видела Хайди...
- Надо же, – сказал Инчмейл. – Она шла на своих двоих?
- Промчалась мимо на очень приличной машине по направлению к Беверли-Хиллс.
- Ну что ж, ее тянуло туда еще из роддома.
- Редж, я не одна. Мне пора закругляться.
- Чао.

Трубка умолкла.

- Это был Редж Инчмейл? – спросил Альберто.
- Да.
- Ты сегодня вправду видела Хайди Хайд?
- Да, пока ты разбирался с охраной «Virgin». Она проезжала по Сансет.
- Ничего себе! Какова вероятность такой встречи?
- Статистически – не знаю. Но я не то чтобы страшно удивилась. Она живет на Беверли-Хиллс, работает в Сенчури-Сити.
- Чем занимается?
- Что-то в компании мужа. Он адвокат по налоговым делам, имеет свою фирму.
- Ого, – помолчав, произнес Альберто. – Значит, все-таки есть жизнь после рока.
- Уж это поверь мне на слово, – сказала Холлис.

Робот Одиль то ли умер, то ли впал в спячку. Он без движения замер у занавесок с видом недоделанной игрушки. Холлис поддела его носком «адидаса».

На гостиничном автоответчике новых сообщений не было.

Холлис достала из сумки ноутбук, разбудила и повернула к окну. Хотите подключиться к надежной беспроводной сети *SpaDeLites47*? Да, пожалуйста. До сих пор *SpaDeLites47* ни разу не подводила. Холлис подозревала, что точка доступа находится через дорогу, в здании со съемными квартирами.

Опять никаких писем. Придерживая одной рукой лэптоп, Холлис набрала в Гугле «бигенд».

Первым выскочил японский сайт с таким названием, но это оказалась марка моторного масла для автогонщиков.

Холлис нажала ссылку на Википедию.

Губерт Хендрик Бигенд, род. 7 июня 1967 г. в Антверпене, основатель инновационного всемирного агентства рекламы «Синий муравей». Единственный сын в семье; родители – бельгийцы: Бенуа Бигенд (предприниматель) и Федра Сейнхев (скульптор). И сторонники, и противники Бигенда часто припоминают, что его мать в молодости была связана с Ситуационистским интернационалом¹⁸ (Чарльзу Саатчи ошибочно приписывают знаменитые слова: «Ситуационистский выскочка-аферист»), однако сам Бигенд объясняет успех «Синего муравья» исключительно собственными талантами, одним из которых, по его утверждению, является способность найти нужного человека для каждого проекта. Невзирая на значительный рост фирмы за последние пять лет, он по-прежнему активно занимается микроменеджментом.

В сумке на столе зазвонил сотовый. Если сдвинуть ноутбук, Wi-Fi потеряется, но страница останется в кэше. Холлис подошла к столу, положила ноут и выудила из сумки телефон.

– Это Губерт Бигенд. Могу я поговорить с Холлис Генри?

Похоже, ее телефон произвели в корпоративные секретари. Холлис застыла, охваченная первобытным страхом, что Бигенд застукал ее за чтением его вики-странички.

– Да, мистер Бигенд, – ответила она, даже не пытаясь изобразить франко-бельгийское произношение.

– Мисс Генри, будем считать, мы представлены друг другу? Наверное, вас удивил мой звонок. Видите ли, «Нод» – мой проект.

– Я только что вас гуглила. – Она широко раскрыла рот в беззвучном крике: Инчмейл учил таким образом снимать напряжение.

– Ага, вы опережаете события. Что и требуется от настоящего журналиста. Я только что звонил Раушу в Лондон.

Если Рауш в Лондоне, подумала Холлис, то где тогда вы?

– Где вы?

– В вестибюле вашей гостиницы. Не откажетесь со мной выпить?

---

¹⁸ *Ситуационистский интернационал* – левацкое художественно-политическое движение, авангардистский проект по созданию «сюрреволюционного» искусства, продуцированию контркультуры и контркультурных ситуаций (отсюда название). Сыграл заметную роль в парижских студенческих волнениях 1968 г.

16. Известные выходы

Пока Милгрим читал «Нью-Йорк таймс», допивая утренний кофе в булочной на Бликер-стрит, Браун успел несколько раз вполголоса переругаться с неведомыми людьми, которым надлежало дежурить у всех известных выходов НУ, когда тот спал дома – или чем он там еще занимался. Сочетание «известные выходы» навеяло на Милгрима приятные, хотя и явно фантастические мысли о подземной опиумокурильне, с множеством тоннелей и газовым освещением.

Утро у собеседников Брауна явно не задалось. НУ с каким-то мужчиной покинули здание, дошли до станции метро на Канал-стрит, спустились туда и бесследно исчезли. Милгрим, слышавший половину всех разговоров Брауна, уже знал о способности НУ и его родичей испаряться, особенно в подземке. Милгрим воображал, что у них есть ключи к особым метрополитеновским щелям и ходам.

А вот для Милгрима утро выдалось неплохое, хотя Браун и разбудил его, чтобы прочесть волапюк. Потом ему снова что-то снилось, он не помнил, что именно, помнил только, что неприятное. Вроде бы от его кожи (или сквозь нее) шел голубоватый свет. И все же как отрадно в столь ранний час посиживать за столиком, пить кофе с булочкой и читать оставленную кем-то «Нью-Йорк таймс».

Браун газету недолюбливал. Он вообще не терпел СМИ за то, что излагаемые в них новости не исходили из достоверных – иными словами, правительственных – источников. Да и не могли исходить, учитывая теперешнее военное положение. Любые новости стратегической важности по определению слишком ценны, чтобы доверять их штатским.

Разумеется, Милгрим не собирался спорить. Вздумай Браун объявить английскую королеву инопланетной рептилией-оборотнем, жрущей теплое мясо человеческих младенцев, Милгрим и тогда бы не возразил.

Но теперь, дойдя до середины статьи про АНБ и сбор данных (на третьей полосе), он кое о чем задумался.

– А вот... – неуверенно начал Милгрим; Браун как раз окончил беседу и свирепо смотрел на телефон, словно прикидывая, можно ли убить или замучить эту бездушную тварь. – Про АНБ и сбор данных...

Фраза повисла в воздухе над столиком. Милгрим не имел привычки заводить разговоры с опасным соседом, и не напрасно. Браун перевел взгляд с телефона на него, ничуть не поменяв выражения.

– Я тут подумал, – услышал Милгрим точно со стороны, – про вашего НУ. Про волапюк. Если АНБ может все, что здесь написано, то легко загнать в программу алгоритм, который будет выбирать ваш волапюк и ничего больше. Хватит полдюжины образцов семейного диалекта. Усреднить их, и все, что проходит через телефонную систему, получит такую метку. И не надо будет больше менять батарейки под вешалкой.

Милгрим упивался своей догадливостью. А вот Брауну, похоже, не понравилось, что тот вообще об этом думает.

– Годится только для межконтинентальных переговоров, – буркнул он, словно раздумывая, не поколотить ли непрошеного советчика.

– А-а-а, – протянул тот и сделал вид, будто с головой погрузился в чтение.

Браун вернулся к своему телефону и принялся вполголоса отчитывать еще кого-то, не уследившего за НУ и его спутником.

Милгрим уже не хотел читать, однако по-прежнему смотрел в газету. У него шевелились новые, странно неприятные мысли. До сих пор он принимал как данность, что Браун и его люди – правительственные агенты, скорее всего федеральные. Но если АНБ и впрямь делает

то, о чем пишет «Таймс» (а Милгрим прочел это своими глазами), то с какой стати он должен верить Брауну? Американцы не возмутились историей с АНБ, потому что по меньшей мере с шестидесятых не сомневались, что ЦРУ записывает все телефонные разговоры. Об этом было в плохих телесериалах. Дети знали это с пеленок.

Но если на Манхэттене кто-то переписывается на волапуке, а правительству на самом деле так надо знать каждое слово, то в чем загвоздка? Милгрим свернул газету.

«А что, если, – пробивался из глубины сознания тревожный голос, – Браун вовсе не правительственный агент?»

До сих пор Милгриму отчасти хотелось верить, что быть в заложниках у федеральных агентов – почти то же самое, что находиться под их защитой. И хотя перевес был на стороне назойливых сомнений, что-то (возможно, ясность, которую давало новое лекарство) подтолкнуло Милгрима к осознанию: а что, если Браун – просто козел с пушкой?

Тут уже стоило пораскинуть мозгами, и, к своему удивлению, Милгрим обнаружил, что способен это сделать.

– Мне надо в туалет, – сказал он.

– Дверь за кухней, – ответил Браун, прикрыв телефон ладонью. – Захочешь удрать, имей в виду: у выхода дежурят. Поймаешь пулю в лоб.

Милгрим кивнул. Встал. Бежать он не собирался, однако впервые подумал, что Браун, возможно, блефует.

Он пустил в раковину холодную струю из крана, сунул под нее руки и посмотрел на них. Они по-прежнему были его. Пошевелил пальцами. Нет, правда, удивительно.

17. Пираты и цэрэушники

Мондриановская прическа спереди начинала напоминать гипертрофированную челку Бобби. Гель для укладки, или что там применил парикмахер, вобрал каждую молекулу лос-анджелесской воздушной взвеси плюс дым сигарет, которые Бобби Чомбо выкурил в непосредственной близости Холлис.

Паршиво, думала она, имея в виду не столько то, какой ее увидит новый работодатель, сколько общее направление своей жизни – все до этой самой минуты, включая Чомбо на расчерченном бетонном полу. Чомбо боится дважды ночевать на одном квадрате...

И все же... Блеск для губ. Серьги. В мятом пакете из магазина «Barneys» лежал парадный прикид: блузка, юбка, чулки. А сумочка? Холлис вытряхнула содержимое черной косметички и положила туда лишь самое необходимое. В том же «нарядном» пакете лежали туфли: черные мутантные балетки от каталонского дизайнера, который давным-давно сменил поле деятельности.

– Ну все, я пошла, – сказала она женщине в зеркале.

В старковском вестибюле с баром гудели голоса и по-вечернему звенели бокалы. Шатен-портъе в фирменной светлой форме, стоящий на псевдоисламских закорючках светового ковра, во весь рот улыбнулся Холлис.

Зубы его, попавшие под сияние ослепительной загогулины, сверкали, как на рекламном щите. По мере того как Холлис подходила, оглядываясь в поисках бельгийского рекламного магната, улыбка набирала ширину и мощь, и, когда журналистка была готова пройти мимо, ее остановил роскошный голос, последний раз слышанный из сотового:

– Мисс Генри? Я – Губерт Бигенд.

Она не вскрикнула от неожиданности (хотя была к этому близка), а пожала ему руку – сухую, твердую, не холодную и не горячую. Бигенд в ответ легонько стиснул ее ладонь. Улыбка продолжала расплзаться по его лицу.

– Приятно познакомиться, мистер Бигенд.

– Губерт, – поправил он. – Вас устраивает гостиница?

– Да, спасибо.

То, что она приняла за униформу портъе, оказалось бежевым шерстяным костюмом с иголочки. Ворот голубой рубашки был расстегнут.

– Пойдем в «Скайбар»? – спросил рекламный магнат, глянув на часы размером со скромную пепельницу. – Или вы предпочитаете посидеть где-нибудь здесь?

Он махнул в сторону сюрреалистически длинного и узкого алебастрового стола на биоморфных старковских ножках.

«В толпе безопаснее», – подсказал внутренний голос, хотевший остаться здесь, выпить обязательный бокал, обойтись минимальным вежливым разговором.

– «Скайбар», – ответила Холлис, сама не зная почему, и тут же вспомнила, что туда не пробиться.

Бигенд повел ее к бассейну и фикусам в горшках величиной с гараж. Холлис вспоминала последние разы, когда здесь бывала – незадолго до и сразу же после официального распада группы. Те, кто не знаком с музыкальной индустрией, сказал как-то Инчмейл, думают, что только в кинобизнесе царит закон джунглей и что именно там водятся самые кровожадные гиены, акулы и крокодилы.

Они прошли мимо великанского футона, в глубинах которого удобно разместился с напитками целый выводок кровожадных гиен, акул и крокодилов – исключительно красивых парней и девушек. Впрочем, напомнила себе Холлис, может, они только смахивают на промоутеров. С другой стороны, здесь все выглядели именно так.

Бигенд провел ее мимо вышибалы, в упор его не заметив. Точнее, вышибала с блютусовым ухом еле успел убраться с дороги: Бигенд шел так, словно не привык, чтобы ему преграждали путь.

Бар оказался забит (впрочем, как всегда), однако для Бигенда столик нашелся сразу. Широкоплечий, ясноглазый, очень бельгийской внешности, он отодвинул дубовый тяжелый, как в библиотеке, стул и шепнул Холлис на ухо:

– Я был поклонником «Ночного дозора».

«Ага, и еще готом», – чуть не вырвалось у нее. Стоило представить себе, как будущий рекламный магнат поднимает над головой зажигалку «Бик» в затемненном зале во время концерта... Нет, лучше не представлять. Сейчас, если верить Инчмейлу, на концертах поднимают мобильные: удивительно, как много света дают их экраны.

– Спасибо, – ответила Холлис, нарочно не уточняя за что – то ли за признание в любви к ее группе, то ли за поданный стул.

Поставив локти в бежевой шерсти на стол и сцепив ухоженные пальцы, спутник довольно похоже изобразил взгляд пылкого поклонника перед некой частной версией ее портрета, сделанного Антоном Корбейном¹⁹, – того, где она в деконструированной твидовой мини-юбке.

– Моя мать, – начал он на неожиданной ноте, – Федра Сейнхев обожала «Ночной дозор». Она была скульптором. Когда я в последний раз был у нее в парижской студии, она слушала вас. Громко. – Он улыбнулся.

– Спасибо. – Холлис решила не развивать тему покойной матери. – Но сейчас я журналистка. И здесь у меня нет былых заслуг.

– Рауш очень доволен вашей работой. Он хотел бы взять вас в штат.

У столика возник официант и тут же ушел за джином-тоником для Холлис и «писо мохадо» для ее спутника. Название коктейля было для нее новым.

– Расскажите про «Нод», – попросила она. – Как-то в профессиональной среде вокруг него не слышно никаких разговоров.

– Да?

– Да.

Бигенд опустил сплетенные пальцы.

– Система «антишум», – промолвил он. – Выделяемся за счет незаметности.

Холлис ждала знака, что услышала шутку, но его не последовало.

– Нелепость, – сказала она.

Улыбка раскрылась, сверкнула, закрылась. Официант принес заказанные напитки в одноразовых пластиковых стаканах: защита гостиницы от исков со стороны босых посетителей бассейна. Холлис позволила себе окинуть взглядом остальную публику. Пожалуй, если бы сейчас крылатая ракета пробила рифленую крышу «Скайбара», редакции «Пипл» не пришлось бы спешно менять обложку. Модная тусовка перебралась куда-то еще. Что в целом было довольно кстати.

– Скажите... – начала Холлис, слегка наклонившись над своим джином-тоником.

– Да?

– Чомбо. Бобби Чомбо. Почему Рауш так настаивал, чтобы я с ним поговорила?

– Рауш – ваш редактор, – мягко возразил Бигенд. – Может, поинтересуетесь у него?

– Нет, здесь что-то другое, – настаивала Холлис. Она чувствовала, что выходит на бой с олгоем-хорхоем на его же земле. Быть может, опрометчиво, но внутренний голос подсказывал: так нужно. – Его настойчивость не показалась мне связанной со статьей.

Бигенд глянул на нее пристально:

---

¹⁹ *Антон Корбейн* (р. 1955) – культовый голландский фотограф и режиссер.

– А. Да. Другая статья. Более занятная. Ваша вторая статья для «Нода», как мы надеемся. И вы только что с ним встретились – с Чомбо?

– Да.

– И что думаете?

– Он знает то, чего не знает никто другой. По крайней мере, он сам так думает.

– И что это, по-вашему, Холлис? Мне можно называть вас Холлис?

– Да, конечно. Едва ли Бобби по душе его нынешняя роль в локативном авангарде. Ему нравится покорять неосвоенные просторы, но скучно от однообразного рутинного труда. Вот когда он помогал создавать контекст локативного искусства, ему, наверное, было интересно.

На сей раз улыбка Бигенда напомнила Холлис огни встречного поезда в ночи. Она зажглась и погасла: поезд вошел в тоннель.

– Продолжайте. – Он отпил «писо», сильно похожий на микстуру.

– Мэш-апы и другие его диджейские штучки – тоже не главное. Главное то, что заставляет его расчерчивать пол по GPS-сетке. И никогда не спать в одном и том же квадрате дважды. То, из-за чего он считает себя значимым, одновременно срывает ему крышу.

– И что это может быть?

Ей вспомнился призрачный каркас грузового контейнера и то, как Бобби вырывал у нее шлем. Она не знала, говорить ли об этом.

– Пираты, – сказал Бигенд.

– Пираты?

– Да, в Малайском проливе и Южно-Китайском море. Маленькие юркие суденышки охотятся на грузовозы, укрываясь в лагунах, бухтах, пещерах. Побережье Малайского полуострова, Явы, Борнео, Суматры...

Холлис перевела глаза с Бигенда на окружающую толпу, чувствуя себя так, будто попала на обсуждение чужого сценария. Чей-то синопсис, оставшийся висеть под массивными потолочными брусьями бара, должен был упасть на первого, кто сядет за этот столик. И этим первым оказалась она. Пиратский фильм.

– Йо-хо-хо, – Холлис встретила взгляд Бигенда и допила свой джин-тоник, – и бутылка рома.

– Настоящие пираты, – без улыбки подтвердил Губерт Бигенд. – По крайней мере, большинство.

– В каком смысле?

– Некоторые из них – участники секретной морской программы ЦРУ. – Он опустил пустой пластиковый стакан так бережно, будто собирался продать его на «Сотбисе». Затем посмотрел на него через рамочку между пальцами, словно режиссер, подбирающий нужный ракурс для кадра. – Остановить подозрительное судно и обыскать на предмет оружия массового поражения. – Он по-прежнему не улыбался.

– Кроме шуток?

Он кивнул – еле заметно, но очень четко.

Значит, вот как они кивают, алмазные торговцы в Антверпене.

– Вы точно не издеваетесь, мистер Бигенд?

– Это самая дорогая квазидостоверная информация, какую я могу себе позволить. Данные такого рода, как вы легко можете понять, довольно скользки. Ирония же состоит в том, что программа – очевидно, вполне эффективная – пала жертвой ваших внутренних политических распрей. А прежде, пока некоторые факты не выплыли наружу, спецгруппы переодетых пиратами цэрэушников вместе с настоящими пиратами брали на бордаж суда, подозреваемые в нелегальном провозе оружия массового поражения. Затем они с помощью радиомет-

ров и тому подобного проверяли груз, а настоящие пираты забирали более заурядную добычу. Так они расплачивались с пиратами за право первыми заглянуть в трюмы и контейнеры.

– Контейнеры.

– Да. Пираты и цэрэушники взаимно друг друга поддерживали. ЦРУ подмазывало местные власти, а ВМС США, разумеется, во время подобных операций держались в стороне. Команда не знала, что на судне обнаружили контрабанду: его просто задерживали некоторое время спустя, якобы вне всякой связи с пиратским нападением. – Бигенд жестом велел официанту принести новый стаканчик «писо». – Хотите еще выпить?

– Минералки, – сказала Холлис. – Джозеф Конрад. Киплинг. Или кино.

– Лучше всего в этом деле показали себя пираты из индонезийской провинции Асех, что в Северной Суматре. Как раз те места, где в молодости бывал Конрад.

– И много им попадалось, лжепиратам?

Еще один кивок алмазоторговца.

– Зачем вы мне это рассказываете?

– В августе две тысячи третьего совместная команда поднялась на борт грузового корабля с панамским флагом, идущего из Ирана в Макао. Цэрэушников особенно интересовал один контейнер. Они уже открыли его, взломав пломбы, когда по радио поступил приказ – ничего не трогать.

– Не трогать?

– Оставить контейнер. Покинуть судно. Естественно, приказ был выполнен.

– Кто вам это рассказал?

– Человек, который, по его словам, был в команде.

– И вы полагаете, Чомбо как-то с этим связан?

– Подозреваю, – Бигенд подался вперед и понизил голос, – что Бобби время от времени знает местонахождение контейнера.

– Время от времени?

– Судя по всему, контейнер по-прежнему где-то в море. Как Летучий Голландец...

Официант принес второй «писо» и минералку.

– За вашу следующую статью. – Бигенд коснулся ее стаканчика своим.

– А пираты?

– Что?

– Они видели, что внутри?

– Нет.

– Мало кто водит такие машины сам, – заметил Бигенд, выезжая на Сансет.

– Мало кто вообще хоть раз ездил в такой машине.

Холлис, сидящая рядом с ним, вытянула шею, пытаясь заглянуть назад, в пассажирский отсек. Вроде бы там была чуть ли не панорамная крыша матового стекла, не просто световой люк. И много полированного дерева, остальное – серая кожа.

– «Брабус-майбах», – сказал Бигенд; повернувшись, Холлис успела заметить, как он похлопал руль. – «Брабус» основательно оттюнинговал «майбах».

– «Тачку – на Дарт-прокачку»?

– Если бы вы ехали сзади, то могли бы видеть локативные инсталляции на мониторах, встроенных в спинки передних сидений. Здесь есть беспроводная локальная сеть и GPRS-модем на четыре устройства.

– Спасибо, не надо.

Задние кресла, обтянутые оружейного цвета кожей, наверняка раскладывались, превращаясь в кровати, а то и в кушетки для сверхсовременной хирургии. Сквозь дымчатое оконное

стекло Холлис видела, как пешеходы тарашатся на «майбах». Зажегся зеленый сигнал светофора, и машина тронулась. Внутри по-прежнему было как в ночном музее.

– Вы всегда на нем ездите? – спросила Холлис.

– В агентстве есть «фольксвагены-фаэтоны», – ответил Бигенд. – Отличная неприметная машина. Издали можно принять за «джетту».

– Я плохо разбираюсь в автомобилях. – Холлис провела большим пальцем по шву сиденья. Все равно что погладить задницу супермодели, наверное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.